

Юлия Аметова
Михаил Тропин

НЕБУЛЯРЫ

16+

Юлия Аметова

Небуляры

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Аметова Ю. М.

Небуляры / Ю. М. Аметова — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Идет двадцать пятый век по земном счету. Планета Стика, о которой уже рассказывалось в книге «Звезда пилота», живет мирной жизнью, но тревожные новости приходят со всех сторон. На межпланетных рейсах участились налеты грабителей-рейдеров на космические корабли. Стика под угрозой нападения, на планете Каутилья рвётся к власти армия наёмников, а на обитаемой звезде Астрион начинается революция. И все обитаемые миры, включая Землю, - под угрозой небывалого энергетического кризиса, вызванного небулярами – новым, неизученным и опасным явлением в космическом пространстве. Герои книги - военный пилот со Стики, этнограф с Земли и девушка с Каутильи - по стечению обстоятельств оказываются в центре этих событий. Смогут ли они разгадать загадки нового явления? Удастся ли жителям обитаемых миров отстаивать свою свободу?

© Аметова Ю. М., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

1	5
2	14
3	19
4	28
5	34
6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Юлия Аметова, Михаил Тропин

Небуляры

1

– Не уговаривай, Элиал! Я решил уйти в отставку, и уйду. Заявление уже у Сергиевского, – проговорил Дан, подкрепляя свои слова мысленным сигналом. Яркое солнце Стики било прямо в глаза. Дан прищурился, глядя, как блестящие шарообразные катера выписывают над посадочным полем космодрома петли и восьмерки. Два красных шара лихо пролетели между двумя белыми, и все четыре машины зависли над трибуной со зрителями. Неплохо летают гражданские, но до «Черных крыльев» им далеко!

«Ты же пилот класса «высший-универсал», таких испытателей, как ты, единицы!» – услышал Дан мысленный голос Элиала. Взмахнув крыльями, ал вылетел из люка своего «Астроде-санта» и перелетел на нос машины Дана, обвив хвостом короткую антенну грависвязи. Хамелеоновый экзоскелет обтягивал ромбовидное тело ала от двухметровых крыльев до кончика хвоста, только пленочный шлем был откинут на крылья, оставляя открытой остроконечную черную голову с круглым ртом-воронкой и шестью выпуклыми круглыми глазами вокруг него. Ремешок из змеиной кожи, завязанный тройным узлом «на счастье», свисал с девятого пальца левого крыла.

«Кто предназначен судьбой для полета, должен летать, а ты предназначен, хоть у тебя и нет своих крыльев! Я и в училище, и в «Черные крылья» пошел, потому что видел, как ты летаешь!» – мысленно продолжал Элиал на своем родном языке. Алы, коренные жители Стики, не имели звуковой речи и объяснялись только мысленно, колебаниями биоволны. «А кто тебе сказал, что я не буду летать? – мысленно отозвался Дан на евроамериканском, алы знали его не хуже людей. – Буду, но не в военном космофлоте! Что это за жизнь – месяцами торчать на орбитальной базе, отчитываться за каждый вздох, тянуться в струнку перед любым майором! Я хочу сам решать, как мне работать и что делать! А если кому будет надо со мной иметь дело, пусть под меня подстраивается – я в конце концов, классный испытатель!»

Элиал в возмущении взмахнул крыльями. «Классный испытатель – и бросишь испытания? Это же такая работа, всегда что-то новое! Каждый перехватчик, каждый катер со своим характером, это же интересно!» Дан сделал вид, что внимательно рассматривает флаги над трибунами и светящуюся рекламу: «Межпланетный Космосалон Икар – 2474». Может, внушить хвостатому братишке как следует, чтобы больше не приставал? Алы хорошо подчиняются внушению, а биополе такой силы, как у Дана, даже на Стике встречается не часто. Внушением он может удерживать двенадцать человек с обычным, земным биополем, а мысли слышит чуть ли не за полкилометра. Проверялось не раз, хотя найти на Стике людей с таким слабым биополем трудно.

«Ты меня слушаешь, Дан? Нельзя все бросать так просто! Не торопись, поговори еще сегодня с дедом Наваилом после свадьбы!» – продолжал Элиал. Ну вот! Не хватало еще обсуждать свою работу на аловской свадьбе! А кстати, с кем туда лететь? Есть одна хорошая девчонка, но алов сторонится даже в городе, другая – красотка, но в голове полторы извилины, третья заумными рассуждениями замучает всех, и Дана в первую очередь. Кого же взять с собой на свадьбу?

– Дорогие друзья, программу показательных полетов продолжает экипаж Федерации Каутилья, который показывает возможности новой модели военного космического катера из серии «Арджуна»! – загремело над посадочным полем. Это ведущий представлял следующий полет. Земля ушла из-под ног – заработали гравитационные двигатели, и над полем лихо взлетел

тяжеловесный шар военного космического катера, носящего имя царя-воина из старинной индийской легенды. Вот странно – каутильцы всюду твердят о своей независимости от земной Индостанской Федерации, но имена и названия любят старинные, индийские, да и сама планета Каутилья названа в честь древнего индийского мудреца.

Дан скептически разглядывал новое произведение каутильских конструкторов. Ну и что? У прежней модели, на которой он сам летал, когда выступал два года назад на Каутилье, было шесть двигателей, у этой – восемь, в прежнем катере умещались два крылатых перехватчика, в этом – четыре. Количество, которое не собирается переходить в качество.

Катер сделал несколько «восьмерок» с разворотами, пару «горок», покружился над трибунами и на этом закончил. Голос ведущего снова загремел над трибунами.

– Дамы и господа! Сейчас свою программу покажут пилот Огонь Победы и его помощники Огонь -1290 и Огонь- 2079, прибывшие на наш космосалон с планеты, а точнее, звезды Астрион. Зрители, чувствительные к проявлениям А-поля, могут надеть экранирующие шлемы, – объявил ведущий. Над полем засверкали голубые отблески, а всех присутствующих снова на мгновение приподняло над землей. Огромная ярко-синяя звезда появилась над посадочным полем внезапно, будто только что вышла из завета. Звезда пульсировала, сжимаясь и расширяясь, будто дышала, время от времени выпуская длинные гибкие языки синего пламени, похожих на плазмодный заряд. Собственно, такие корабли, именовавшиеся «летучими звездами», и были сгустками низкотемпературной плазмы, как и их хозяева, астриониды и астрионики с Астриона. Квазикерамическое ядро темнело в глубине синей звезды.

Зрители на трибуне зашевелились, натягивая на головы шлемы, Элиал нервно взмахнул крыльями, реклама космосалона погасла, а Дан почувствовал, как по спине пробежал противный холодок страха. Опять этот Огонь Победы! Сколько раз ему говорили, чтобы включал экранирование, а он хоть бы что! Любит обратить на себя внимание – на каждом выступлении пугает зрителей А-полем «летучей звезды», уменьшает гравитацию и отключает электричество. Ну и ладно! Дана Сотникова ему все равно не напугать – сильный биополевик не только А-поля не боится, но и может внушать свои мысли астрионидам. Дан и теперь с удовольствием что-нибудь внушил бы Огню Победы, чтобы сбить с него спесь, но до «летучей звезды» было далеко, да и времени оставалось мало.

Элиал, взмахнув крыльями, натянул на голову пленку шлема и влетел в люк своего перехватчика. Дан прыгнул в свой люк, минуя ступеньки, и натянул шлем, уже сидя за пультом. Сосредоточившись, он дал мысленную команду пульту, и двигатели перехватчика заработали. Дан посмотрел в лобовое окно – корабль астрионидов, вытянувшись в длинную ленту, изгибался спиралью, кружился и взлетал свечкой над полем. Наконец «летучая звезда» снова собралась в мохнатый синий шар с темной сердцевинкой и, пульсируя, повисла над посадочным полем. «Код готовности двести сорок, мощность двигателей минимальная, гравилокатор включить, связь с бортом «Астродесант-2002» постоянная», – мысленно приказал Дан.

В прозрачных трубочках-индикаторах на пульте забегали голубые огоньки, похожие на огни «летучей звезды», над ними повис мираж гравилокатора, изображающий посадочное поле, трибуны и флаги, рядом голубовато замерцал мираж грависвязи. Ну вот, все в порядке, такая автоматика никакого А-поля не боится! А почему бы ей бояться, когда она и сама работает не на электромагнитном, а на генерированном искусственном А-поле? Такого нет больше ни у кого, «Астродесант» – единственный в своем роде, его разрабатывали пять стикских лет, а если считать на стандартные земные – два года. И двигатели у него сильнее, чем у иного катера, и аэродинамика для любой атмосферы перестраивается, и скорость до восемнадцати световых – отличная машина, полный прорыв! И все эти годы Дан испытывал «Астродесанты», все опытные экземпляры прошли через его руки, а с прошлого года – и через пальцы Элиала, когда тот окончил училище. А теперь они показывают два из двадцати построенных «Астро-

десантов» на космосалоне, но ни опубликовать технологию постройки, ни продавать эти перехватчики «Икар» не будет. Военная тайна!

Странно, что каутильцы до сих пор не разработали ничего в этом роде: ведь генератор искусственного А-поля – это каутильское изобретение. Статья каутильского изобретателя Раджа Чаттерджи о таких генераторах появилась в Грависети еще три стандартных года назад, но на Каутилье генераторов А-поля до сих пор нет. Да и сам изобретатель куда-то исчез, и о нем ничего не слышно.

– Наши гости с Астриона закончили первую часть своей программы, но не покидают нас. К ним присоединятся летчики-испытатели конструкторского бюро «Икар», участники стикской пилотажной группы «Черные крылья капитан Даниил Сотников и лейтенант Элиал с Нижнего Залива. Они выступают на боевых перехватчиках нового поколения «Астродесант-2001» и «Астродесант -2002», – объявил ведущий. – Перехватчик типа «Астродесант» несет на себе одно лучевое орудие, один гравидеструктор, на нем имеются гравилокатор и установка дальней грависвязи, а также восемь мест для бойцов.

«Угол сорок пять градусов, «бочка», три оборота на вертикали, «восьмерка» и три четверти петли!» «Астродесант» рванул вперед, перегрузка на мгновение прижала Дана к креслу, но тут же сменилась прыжком гравитации от разгоняющегося двигателя. Горизонт завертелся перед глазами Дана, ушел вниз, потом заплясал где-то сбоку. Тройная бочка на восходящей вертикали, петля, «восьмерка» с тремя переворотами – как там Элиал, все-таки он только первый год летает в «Черных крыльях»? Дан скосил глаза на мираж – второй «Астродесант» белой стрелой мчался за ним, повторяя все фигуры. «По кругу, три петли вперед, разворот...» – донесла грависвязь мысли Элиала. Синее пламя «летучей звезды» заслонило горизонт – между «Астродесантом» и кораблем астрионидов оставалось не больше десяти метров. Вот это точность! «Астродесанты» летали там, где отказала бы автоматика любого перехватчика, описывая круги и петли вокруг синей звезды с точностью до метра.

«Элиал, мельницу! – скомандовал Дан. – Захваты – первая позиция!» Оба перехватчика выбросили перед собой двадцатиметровые захваты и сцепились ими, продолжая вращаться вокруг «летучей звезды». В мираже было видно, как люди на трибунах вскакивают и размахивают руками от воодушевления. Полный восторг, несмотря на А-поле.

Корабль астрионидов закружился в кольце обхвативших его захватов, вытянулся в спираль и, рванувшись вверх, исчез. Дан посмотрел на часы – хорошо, уложили программу точно в свои пять минут сорок секунд. Теперь еще девять минут бортового времени в засвете. Мираж грависвязи засверкал белыми звездочками и искрами – это было сообщение с «летучей звезды» на оптическом языке астрионидов. «Ухожу в коридор 15 световых», – сообщил Огонь Победы. «Иду за тобой», – ответил Дан на том же языке. Зрительная память у него всегда была отличная, и в свое время он неплохо выучил язык астрионидов, что удавалось немногим. Впрочем, с биополем в триста шестьдесят пять бионтов можно еще и не то выучить.

«Расчет ускорения, мнимые координаты, время – две минуты двадцать секунд, точность – до десяти метров, » – приказал Дан пульту. «Астродесант» рванул вверх, яркая синева вокруг сменилась чернотой космического неба, усыпанного звездами. Промелькнули золотисто поблескивающие осколки камней в кольцах Стихи, звезды собрались в сияние перед обзорным окном и исчезли. Продолжая увеличивать скорость, перехватчик ушел за скорость света. Дана затошнило – кажется, он дал пульту слишком большое ускорение, ну ничего, он не какой-нибудь мешок-землянин! Он еще раз глянул в мираж локатора – у Элиала тоже все было в порядке. Десять световых, двенадцать, четырнадцать, пятнадцать... Где же Огонь Победы?

«Огонь Победы передает Даниилу Сотникову. – забежали белые вихри и звезды в мираже грависвязи. – Прерываю выступление, ухожу в досветовое пространство. » Что-то не в порядке с «летучей звездой» или с кем-то из «номеров», помощников Огня Победы? «Что случилось, Огонь?» В ответ вместо отчетливых мелких звезд и вихрей в мираже замелькали размашистые

спирали. «При чем тут твоя Древняя Память, командир? Ты разве не видишь, там выступать нельзя!» – прочитал Дан неразборчивую речь «номера». Почему помощники Огня Победы ему не подчиняются? И почему они говорят, что нельзя выступать? «По местам, или боевого огня получите, беспамятные! Чтоб вас на Невидимку унесло! Заткнитесь!» – снова закрутились четкие белые вихри Огня Победы. «Сообщение Даниилу Сотникову. По намеченным координатам выступать нельзя. В коридоре 9 световых вооруженное столкновение!» – передал он уже спокойнее. «Вас понял, полет прекращаю, – ответил Дан. – Элиал, давай вместе со мной на разворот!»

Белые звезды передачи исчезли из миража грависвязи, но их тут же сменил грохот. Это еще что такое? Из миража посмотрело на Дана смуглое и черноглазое человеческое лицо, украшенное густыми черными бровями и усами. Человек был в красно-зеленом комбинезоне космфлота Каутильи с нашивками первого пилота.

– Внимание!...пассажирский корабль «Индра».... Каутилья – Стика. Пространственно-временной коридор 9С... – быстро заговорил человек на неосанскрите. Дан хорошо знал язык Каутильи, но грохот заглушал половину слов. Что там у них такое?

– Гравитационный локатор заднего вида... Мощность увеличена... – продолжал пилот. – Зеркало внешнего наблюдения отражает ...

Что за глупости? Локатора заднего вида не существует! И ни одно зеркало ничего не отразит в засветовых коридорах! Да это же шифр, сигнал о нападении! Вот оно, вооруженное столкновение!

Дан всмотрелся в мираж. Судя по всему, пилоты пытались защитить пультовую. За спиной говорящего суетились еще двое с нашивками второго и третьего пилотов, пытаясь забаррикадировать дверь снятыми с полозьев креслами. Из-за двери доносились удары и шипение плазмодных зарядов, из щелей полз густой серый дым.

– Слушайте все! – снова заговорил каутильский пилот, уже без всяких шифров. – У рейдеров один катер типа «Арджуна», без опознавательных маяков... держит «Индру» на захватах...пассажиров убиты... задержите их, мы не смогли...

В мираже загремело с новой силой, прожженные лучами мощных пистолетов черные щели расширились, белые лучи заметались по пультовой «Индры», один из пилотов упал, пытаясь закрыть проем двери своим худым и длинным, как у всех каутильцев, телом. Нет, так это оставлять нельзя! От «Астродезантов» до «Индры» всего десять минут бортового времени, ни один десантный катер не успеет раньше!

«Снять координаты по грависвязи, время ускорения двадцать секунд, двигатели с первого по четвертый – полный ход!» – мысленно продиктовал Дан пульту, следя за миражом. – Элиал, принимай координаты, давай за мной!» В мираже грависвязи Элиал удивленно приподнял крылья. «Куда ты, Дан? Без приказа? Надо же сообщить на «Кентавр!» Не время отчитываться! Дан набрал на сенсоре координаты «Индры», не сводя глаз с миража. «Вперед!»

В мираже поплыли клубы серого дыма. Первый пилот «Индры» бросился к двери, оставив пульт, но в прожженные щели рванулось ему навстречу текучее рыжее пламя, охватывающее все, что попадалось у него на пути. Это же армейские плазмодные орудия! Комбинезон первого пилота вспыхнул факелом в одно мгновение, и он покатился по полу, пытаясь сбить огонь. Два других пилота отскочили в сторону, но дверь разлетелась на куски, и в нее ворвались две фигуры в мощных двухметровых экзоскелетах с затемненными пленками шлемов. Усиленные двигателями удары рук откинули в сторону снятое кресло и сбили с ног одного из младших пилотов, а несколько тупых ударов тяжелыми ботинками добились его. Оставшийся на ногах второй пилот подбежал к пульту.

– Внимание! Говорит...

Один из бойцов в экзоскелетах повернулся и протянул руку – ни нашивок, ни названия корабля на хамелеоновом рукаве не было. Белый луч заметался по пультовой, чертя черные

линии на белых стенах. Дан увидел, как волна темной крови плеснула на пульт, на секунду заполнив весь мираж. Сначала с пилотами расправляются, подлецы!

«Это наемники с «Уграсены»! Так было пять лет назад на «Содружестве», когда везли термостаты с младенцами на Каутилью! Они всегда так делают, сначала сжигают пультовую, а потом заложников берут», – услышал Дан мысль Элиала. Хвостатый братишка вел свою машину следом за ним. Вот тоже вспомнил, когда это было? Пять стикских или два стандартных года назад, Древняя Память, как выражаются астриониды! «Но тогда охрана смогла удерживать вторую пультовую, пока не подошла помощь. Может быть, и здесь так же? Может, каутильцы продержатся до нас в резервной пультовой?»

Дан увеличил мираж гравилоратора. Зелено-красное колесо «Индры» все еще мчалось по инерции к Стике, постепенно теряя скорость и переходя в другие скоростные коридоры. Хамелеоновый блестящий шар, сливающийся со звездным небом, висел на нем, вцепившись четырьмя захватами в бок, как многоножка на лиане. Вот он, катер рейдеров! Локатор зазвенел и выдал в мираж надпись: «Принадлежность не выяснена, опознавательные маяки отсутствуют». Ну конечно, еще бы они отправились в рейд с опознавательными маяками! Так, двигатели катера, заряд, наличие живой органики... Дан прочел все цифры. Живая органика в катере прирастала с каждой минутой – восемьсот килограмм, тысяча, тысяча четыреста... Общий вес катера рос еще быстрее. Да это же рейдеры возвращаются на катер! На цифре тысяча шестьсот живая органика перестала расти – должно быть, в катере собрались все двадцать человек, на которых он был рассчитан.

Но ведь это же удача! Тяжеловесный «Арджуна» никогда не дает скоростей больше десяти световых, догнать его «Астродесанту» ничего не стоит, а удастся ли остановить – выяснится опытным путем. В конце концов, для таких выяснений и существуют военные испытатели. Даже если испытатель собирается в отставку. «Курс по цели, ускорение до 15 С до полного сближения мнимых координат! Элиал, как понял? Выход в коридор цели по моей команде!» – мысленно передал Дан. «Все понял, по цели, ускорение 15». – отозвался хвостатый братишка.

«Астродесант» принял команду мгновенно. В мираже помчались сменяющие друг друга цифры – потерявший управление «Индра» уходил в низкоскоростные коридоры, до него оставалось не больше пяти минут бортового времени. У Дана закружилась голова и подступила тошнота к горлу – скорость поднялась до 15 световых почти мгновенно. Такие ускорения никому не проходят даром, но рейдеры ждать не будут!

Темный мираж засветился, и в нем показалось худое светлоглазое лицо над черным комбинезоном военного космолота с нашивками полковника. Выражение лица было возмущенное.

– Борт «Астродесант-2001», борт «Астродесант-2002»! Отвечайте! На связи командир базового корабля «Кентавр», полковник Сергиевский! Почему не закончили работу с «летучей звездой»? Почему ушел из коридора Огонь Победы? Отвечайте немедленно! – потребовал полковник. Ну вот, опять отчитываться! И с каких это пор Сергиевский интересуется выступлениями «Черных крыльев»? Он же всегда считает, что показательные выступления испытателей «Икара» – это не работа! Но может быть, это шифр, вроде того «локатора заднего вида», и Сергиевский хочет знать, смогут ли они задержать «Арджуну»? А как это объяснить, чтобы Сергиевский понял, а рейдеры – нет?

– Господин полковник, капитан Сотников на связи! – зачастил Дан, отправляя командиру «Кентавра» координаты и направление полета. – Участники пилотажной группы «Черные крылья» выполнили свою программу за намеченные девять минут. У Огня Победы недоразумения с «номерами». Начинаю знакомство с персоной царской крови, Элиал по моему приказу тоже, можем познакомить всех желающих!

– Капитан Сотников! Прекратить болтовню! Это на космосалоне вы – пилотажная группа, а на «Кентавре» – военная часть, работать надо! – пробурчал Сергиевский, но глаза

у него хитро заблестели. « Для персоны царской крови прибывают знакомые переводчики, надеются быть через две ваши программы, имеют два словаря полного издания. Работайте!» – передал он мысленно на языке алов.

Отлично! Для знакомства с персоной, называемой древним царским именем «Арджуна», летят с «Кентавра» два десантных катера с полным составом экипажа – то есть по пятнадцать человек в каждом. Брать бойцов на «Астродесант» не потребуется, они летят на своих «Витязях» и будут на «Индре» через восемнадцать минут – «две программы».

Дан посмотрел в мираж локатора – цель была совсем рядом, до выхода оставалось меньше минуты. Он убрал ускорение и приказал пульту вычислять координаты перехода. «Элиал, сверяй координаты! Вот в этой точке повторишь сегодняшнюю «мельницу», но не по кругу, а задним ходом на плюс сто сорок градусов к направлению полета. Я – то же самое в другую сторону». В мираже грависвязи появился Элиал – все шесть глаз блестят, рот раскрыт от напряжения, пальцы обоих крыльев замерли на сенсорах, а хвост нервно шевелится над пультом. «Готов!»

Ну, пошел! «Переход в 9С, разворот, направление на мнимый зенит», – продиктовал Дан мысленную команду пульту. Голова заболела, будто что-то раздуло ее изнутри, в глазах потемнело, словно засветовая чернота проникла в сознание, отключив все чувства. Дан потряс головой, глядя черноту миража – в окне была все та же непроглядная тьма. Сейчас, сейчас, вот сейчас...

Перегрузки отступили, в голове прояснилось, и Дан увидел перед собой прямо в обзорном окне круглый черный бок «Арджуны» с тупоносой башенкой грависвязи и квадратом гравидеструктора. Шарообразный катер навис над перехватчиком, как круглое толстое брюхо. Гравитационный щит поблескивал радужными бликами метрах в десяти над головой Дана. С другой стороны катера выглядывал черно-белый хвост второго «Астродесанта», уже выпустившего захваты. Отлично! Скорость выровнялась с точностью до тысячных процента, точность выхода лучше, чем на выступлениях!

«Захваты – полный вперед, по месту до сопротивления...» – скомандовал Дан. Присосавшись к обшивке катера, угловатые захваты начали ввинчиваться в нее острыми концами между широким квадратным основанием гравидеструктора и круглой башенкой лучевой пушки. Дан еще раз проверил направления – ни один выстрел лучевого орудия, ни один вектор работы гравидеструктора не задевал корпуса «Астродесанта». Захваты прошли обшивку и уцепились за несущие балки корпуса. Теперь оторвать «Астродесант» от катера можно было, только разрушив стенку «Арджуны». Гравитация слегка изменилась, перехватчик задрожал, Дан почувствовал, как его прижимает к креслу. Ничего, все в порядке, это заработали гравидвигатели «Арджуны», сейчас он начнет отходить от «Индры». А где Элиал? «Поворот на минус сто сорок к направлению полета, установка захватов по месту...» – передал ему мираж грависвязи. Элиал был в полном порядке, но оранжевые и золотые вспышки уже забегали вокруг – гравитационный щит катера почувствовал присутствие чужих гравидвигателей и посторонних масс, но обнаружить их не мог. Гравитация еще усилилась, вспышки забегали быстрее, «Арджуна» начал убирать захваты и отходить от «Индры». Скорее, пока не начал разгоняться!

– Давай, братишка! Полный назад! Направление – сто сорок градусов! – закричал Дан на евроамериканском. Даже если рейдеры слышат – пусть! «Астродесант» вздрогнул и рванулся назад, «Арджуна» дернулся, но не отлетел от «Индры» ни на метр. Двигатели прибавили мощность, гравитация снова засверкала, как красно-оранжевое полярное сияние, Дан откинулся в кресле, борясь с тяготением. Еще назад, еще! «Арджуна» убрал захваты, гравитация запрыгала, но больше ничего не произошло. Хорошо, братишка! Мы их держим! Дрожь усилилась, двигатели катера и «Астродесантов» работали на полную мощность, перехватчики с трудом удерживали тяжелую машину. «Двигатели на сто процентов, направление сто сорок градусов к движению!» Дан раз за разом повторял одну и ту же команду, слыша, как Элиал твердит

то же самое. «Арджуна» слегка повернулся, эжекторы двигателей полыхнули белым огнем, но рейдерский катер продолжал висеть возле зеленого бока «Индры».

Ура! Два перехватчика, каждый из которых мог полностью уместиться в техническом шлюзе «Арджуны», удерживали рейдерский катер возле ограбленного пассажирского корабля. В мираже забегали квадратики диаграмм – заряд аккумуляторов таял на глазах, бесшумный двигатель «Астродесанта» дрожал и гудел. Гравитация то вдавливала Дана в кресло, то подбрасывала вверх, и только фиксатор удерживал его на месте. Для верности Дан ухватился обеими руками за серый пластиковый фиксатор, продолжая диктовать команды пульту.

В черноте окна забегали бело-желтые волны – это заработало лучевое оружие «Арджуны». Вот разошлись! Как бы их успокоить до прилета десанта? «Локация, пять градусов от вектора движения, расстояние двадцать метров», – приказал Дан. В мираже поплыли расплывчатые серо-коричневые изображения, перечеркнутые черными зигзагами помех. Среди зигзагов замелькали фигуры в мощных экзоскелетах – кто-то сидел на месте, кто-то пытался встать, но снова падал, брошенный в кресло скачком гравитации. Их сменила мутная голубизна, в которой, как в тумане, по темноватому коридору прошагали двое в легких комбинезонах – судя по высокому росту и худобе, каутильцы. Ага, вот и пультовая, только в ней почти ничего не видно! Ну и паршивое изображение! Впрочем, для внешней локации через обшивку и это неплохо. Дан усилил звук.

– Эй, пилот! Почему падает скорость? – требовательно произнес хриплый мужской голос на евроамериканском, но с гортанным каутильским выговором. Даже сквозь помехи было слышно, что говорящий очень молод, он даже похрипывал на каждом слове, будто голос у него еще ломался. Дан пригляделся к мутным фигурам в экзоскелетах, сидящим в креслах, и на месте первого пилота увидел фигуру в темном поблескивающем экзоскелете с закрытым пленочным шлемом. В мутном мираже лица не было видно, но глухой голос из-под шлема был именно его. Остальные двое сидели с откинутыми в виде воротников пленочными шлемами, и голоса их слышались четко.

– Смотри, комд! Нас два борта закогтили, вон они, на сто сорок градусов с каждой стороны! – гнусаво крикнул один из них, тыкая пальцем в мираж.

– Какие борта, откуда они взялись? – снова раздался первый голос из-под блестящего экзоскелета. Комдом, то есть командиром, был, по-видимому, именно он.

– Минуту назад их не было, только сейчас прицепились, гляди, вот они, вот! Мешок ничего не заметил, а я видел! Должно быть, когда мы на «гражданине» хиляков забивали, они и закогтились. – зачастил третий рейдер, быстрым движением поворачивая мираж. По жесткому четкому выговору и манере называть худых каутильцев – хиляками, а неторопливых землян – мешками, это был определенно биополевик со Стики. Вот землячок, в семье не без уroda!

– А скорость уже меньше четырех, это они тормозят. Может, когти им срежем, комд? – продолжал биополевик.

– Чем ты срежешь захваты, хвост паршивый? – пробубнил из-под шлема командир в блестящем зеркальном экзоскелете. Дан поморщился. Всякая рейдерская тварь будет еще оскорблять! Кто придумал эту чушь – звать жителей Стики хвостами?

– Они же на обшивке, ты, биомасса! – прохрипел командир. – Полезай сам с лучевиком и режь! И вообще прекратить глупости! Мощность на максимум и вперед! У вас «Арджуна», а у хвостов – два мелких борта!

– Не выходит, комд! Смотри, какие координаты, они нас уже назад тянут! – землянин снова ткнул пальцем в мираж.

– Заткнись! – рыкнул командир. Его фигура в блестящем экзоскелете вылетела из кресла и метнулась к двери. В руке мелькнуло что-то длинное, кажется, лучевик, но выстрела не было. Блестящая фигура мелькнула в мутной глубине миража и исчезла у дверей напоминающих

вход в технический шлюз. Может, он хочет вывести перехватчик и обстрелять их? Но ему же мешает щит «Арджуны»!

– Эй, мешок! Давай дестр на полусферу включим, тогда их собьем! – крутя мираж, проговорил биополевик.

Вот сообразительный подонок! А чего еще можно ждать от биополевика? Сильное биополе – это не только слушание мыслей и внушение, это и сообразительность, и скорость реакции. Может, пока землячок не включил деструктор на полусферу, попробовать внушить рейдерам, чтобы сдавались? Сосредоточенное внушение не подойдет, давать биополе широкой полосой на расстоянии в двадцать метров, да еще через две обшивки – почти бесполезно, но не сидеть же сложа руки?

«Сдавайтесь, сдавайтесь, сопротивление бесполезно...» – начал внушать Дан, но ни один из рейдеров в мираже не оглянулся, не поднял руки и не попытался узнать, откуда исходит приказ. За окном засверкали оранжевые вспышки, Дана приподняло над креслом и с силой швырнуло назад – это рейдеры включили гравидеструктор. «Вектор минус двадцать восемь, полная мощность!» В мираже замигала сине-желтая диаграмма заряда – аккумуляторы «Астродесанта» были на пределе. Где там катера с десанниками, сколько эти переводчики будут добираться?

А если не держать «Арджуну», а просто ударить лучом по пультовой? А ну, сколько заряда осталось? Пять процентов? У Элиала, должно быть, то же самое. Ну что ж, каждому на один хороший выстрел хватит! «Элиал, слушай приказ! Принимай координаты, и огонь восемьдесят процентов по пультовой! Не задень их двигатель, а то мало не покажется!»

Пульт принял приказ одновременно с Элиалом. На выпуклом блестящем боку «Арджуны» появилась черная точка, протянулась вперед, превратившись в прямую, и аккуратно прорезала обшивку. «Огонь, еще огонь!» След другого луча пересекся с первым, из-под обшивки «Арджуны» потянулся черный дым, заслоняя лобовое окно «Астродесанта». Есть!

– Комд, у нас разгерметизация, давление падает, пульт горит! – крикнул рейдер-землянин из миража. – Тревога, ребята! Где комд?

– Да нет его тут, в шлюзе твой комд! – отозвался другой. Ничего себе у них командир – удирает в разгар боя! В мутном мираже было едва видно, как рейдеры, натянув шлемы, помчались к двери. Свист воздуха, уходящего из пультовой, перекрыл все остальные звуки. «Угол восемь градусов к начальному, мощность сто процентов!». Луч ударил прямо в центр пульта. Расплавленный пластик полетел во все стороны черными жирными брызгами, и изображение в мираже исчезло.

Что-то вспыхнуло и погасло за окном «Астродесанта». Дан посмотрел вверх – гравицита «Арджуны» больше не было, оранжевые переливающиеся блики исчезли, а вместо непроглядной черноты вокруг было черное космическое небо, усеянное белыми и золотыми звездами. Из черной щели в обшивке катера валил белый пар, оседая инеем на хамелеоновой краске.

– Капитан Сотников! Лейтенант Элиал! Говорит майор Дамьен, десантный отряд «Кентавр-4»! Идем к вам! – загремела грависвязь. С громом усиленного связью голоса слился тревожный звон миража с диаграммой – заряд аккумуляторов дошел до аварийного минимума. Десантный «Витязь» вынырнул из-за круглого бока «Арджуны», и вонзил захваты в его обшивку возле шлюза.

– Руки за голову! Не двиг... – услышал Дан обрывок приказа, и аккумуляторы сели окончательно, Дан всплыл над креслом, а экзоскелет переключился на аварийный режим. Ну вот пожалуйста! Десант будет делом заниматься, а он – болтаться в невесомости и ждать неизвестно чего!

Неожиданно «Арджуну» и «Астродесанты» качнуло, а Дана прижало неведомо откуда взявшейся гравитацией к креслу. Из технического шлюза «Арджуны» вылетел небольшой перехватчик и помчался прочь, набирая скорость. Вот он, командир, сбежавший во время боя!

«Огонь! Огонь!» Пульт злорадно поглядел на Дана серыми мертвыми окошками индикаторов. Хвост ему в зубы, как говорят алы! Ушел, подлец!

А это кто еще? Фигура в экзоскелете выплыла из-за перегородки за креслом, и Дан схватился за лучевик. «Да ладно тебе, не геройствуй, это я! – донеслась до него знакомая мысль, и он разглядел за пленкой шлема лицо майора Дамьена. – Рейдер только один удрал, остальных мы всех повязали. Пошли на «Витязь», а машину твою в технический шлюз заберем. Твоего братишку хвостатого ребята забрали уже».

2

Спустя полчаса Дан и Элиал, открыв биоволновые фильтры, вместе с десантниками Дамьена искали во второй анабиозной «Индры» живых пассажиров. Десантники разбрелись по залу, открывая анабиозные капсулы и прислушиваясь к колебаниям биоволн. Биоволновые фильтры автоматически открывались, когда человек терял сознание, и найти живых было несложно, но во второй анабиозной их не было.

Дан заглянул очередной белый цилиндр. На подобии медицинского морфоместа, принимающего форму лежащего на него тела, лежала очень высокая, хрупкая женщина со смугло-коричневой кожей – настоящая каутильянка. Дан вслушался, пытаясь уловить ее биоволну. Элиал взлетел и, вцепившись пальцами крыльев в края капсулы, выдвинул ее до конца. Лучше бы он этого не делал! Удар рейдерского луча пришелся по голове, и от мозга, а значит, и от личности, не оставалось ничего, что можно было бы регенерировать.

«Что они с ней делали, Дан? – Элиал сел на верхний край откинутой круглой дверцы, зацепившись хвостом. – Почему у нее срезана кожа с руки? Жуть какая!» Дан смотрел, борясь с тошнотой – на левом запястье убитой чернела запекшейся кровью широкая поперечная полоса. «Идентификатор срезали, снимать было некогда. У тебя идентификатор с документами на краю крыла, а у людей – на запястьях».

«Но зачем им чужие документы?» – Элиал удивленно наклонив голову, смотрел всеми шестью глазами. Вот деревня, хоть и с крыльями! «Документы им не нужны, а вот банковские счета и ключи от квартир пассажиры обычно туда же, в идентификатор вписывают. У меня самого документы на уникалы тоже там», – Дан посмотрел на свое левое запястье и пошел дальше. Пассажиры лежали в своих капсулах, убитые ударами лучей, с кровавыми полосами на запястьях. Но зачем рейдеры это делали? Обычно они не убивают сразу, а берут пассажиров захваченных кораблей в заложники и освобождают за хороший выкуп. Но здесь – полное отсутствие здравого смысла и дикая жестокость ради мизерной добычи. Странно!

Следующая капсула была вытянута на всю длину, а поперек нее лежало лицом вверх тело пожилого человека. Волосы, там, где они еще не поседели, были темно-рыжими, а глядящие в потолок глаза еще светились яркой голубизной – это определенно был биополевик. Голубой комбинезон был расплосован длинным разрезом сверху донизу. Вот червяки придонные, они же десантными ударами били мирных пассажиров! Так бьют, когда вокруг нет воздуха – чем длиннее разрез, тем меньше шансов выжить. «Хвост им в зубы, змеиные дети!» – ругнулся Элиал.

– погоди ругаться! Этого, может, еще и спасут, голова цела, времени прошло немного, а если мозг цел, так остальное регенерируют! – проговорил Дамьен. – Маннелиг, Вернон, устройте его в свободной капсуле!

Два десантника унесли пожилого пассажира. Дан огляделся, пытаясь определить, где еще могут оказаться уцелевшие люди, но кругом попадались только убитые. Привычные ко всему десантники ругались, укладывая в капсулы растерзанные, и обожженные тела, а Дана снова затошнило. Будь она проклята, его служба! Двадцать пять стикских или десять стандартных земных лет в военном космофлоте – и ни одного боевого вылета! Конечно, испытателю после аварии порой и не такое приходится видеть, но одно дело – авария, а другое – садистский разгул. Хорошо, что он не видел всего этого до схватки с «Арджуной», а то расплылся бы эту жестянку с червями на молекулы без разговоров. Ну ничего, теперь эти звери получают за все! И этот комд получит – надо только скорее найти пассажиров, которые его запомнили, и сделать из их воспоминаний мираж для розыска!

Дан пошел вдоль стены с капсулами. У двух худых, остроплечих, как все каутильцы, парней взлохмаченные черные волосы свешивались почти до пола, а под ними на белом пластико-

вом полу уже застывали лужицы крови. Крепкая рослая женщина в белом комбинезоне лежала перегнувшись через борт капсулы. Грудь комбинезона была залита кровью из широких темных разрезов, рыжие волосы женщины касались серой крышки открытого и брошенного на пол сейфа. Наверное, везла с собой какие-нибудь украшения, а может, служебные документы, которые не впишешь в личный идентификатор. Ну, черви придонные, над сонными, в анабиозе, пассажирами издевались!

Из соседней капсулы свешивались, как мягкие тряпки, черные треугольные крылья крупного ала с судорожно сжатыми пальцами. Ковер стал лиловым от еще свежей аловской крови. «Подлецы, червяки придонные, хвост им в зубы! Змеи на навозе!» – донеслась до Дана мысленная брань Элиала. В мираже было видно, как его пальцы вцепились в вывязанную узелковым письмом надпись на левом крыле экзоскелета. Дан только скрипнул зубами. Где свидетели? Неужели никого нет? От злости исчезла даже тошнота, и он, наконец, услышал биоволну. Не волну разъяренного Элиала, не усталую ругань выдавшего вида Дамьена, а четкую и ясную детскую биоволну. Ребенок определенно был биополевиком и, как полагалось маленьким детям, не носил биоволнового фильтра. Может быть, можно что-то увидеть в его воспоминаниях?

Элиал взмахнул и ловко нырнул за обгоревшую капсулу, в которой лежали двое убитых. Мертвая мужская рука в черном рукаве с нашивками пилота высшего класса сжимала разряженный лучевик. «Не бойся, я свой, со Стики! Смотри, я друг, сейчас мы с тобой полетаем!» – услышал Дан мысленные уговоры ала. Через секунду Элиал сел на пол перед Даном – на свернутом в кольцо его хвосте сидел рыжеголовый мальчишка, не больше стандартных шести лет от роду. Малыш молчал, неотрывно глядя на капсулу. «Он блестит весь, голова тоже блестит, алы не могут его догнать, а мама лежит в ящике, папа с пистолетом ...» – кружились его мысли. Так это его родители лежат? Нечего ему смотреть туда, мал еще! Такого и взрослый не выдержит!

Дан повернул ребенка к себе. «Блестит, и луч светит, и сам тоже..» – повторяла мысль малыша. Блестит? Может быть, это тот самый подонок в блестящем экзоскелете? Вот и мираж! Но как объяснить такому малышу, что надо вспоминать только черты лица?

– Ты его не бойся, он сбежал уже, но если ты его видел... – начал Дан, присаживаясь на корточках перед мальчиком. В мыслях малыша понеслись, набегая друг на друга, неразборчивые картинки. Мелькнули серые глаза и румяная женская щека, потом черный рукав с нашивками высшего класса... А вот кто-то большой, темный, и вместо лица – выпуклая, гладкая, черная поверхность и рука с огромным лучевиком, и слепяще белый луч, и удар, и боль, и крик...

– Нет, мама! Он гад, я не хочу... – сквозь слезы хрипло закричал малыш. Ах ты, хвост тебе в зубы! Не вышло!

«Успокой его, Дан, он все равно не вспомнит! Он еще совсем алао!» – просигналил Элиал. Похоже, хвостатый братишка прав, хватит мучить мальчишку. Дан слегка нажал внушением на биополе ребенка.

– Тихо, тихо, парень, не плачь. Этот гад хотел, чтобы ты плакал, чтоб мы все тут плакали, а мы вот назло ему не будем! Понял?

Внушение начало действовать, малыш притих.

– Я не буду плакать, – проговорил он басовитым хриловатым голоском. – Я вырасту сильным биополевиком и пилотом, папа всегда так говорил!

«Я отнесу его к десантникам», – передал Элиал, снова обхватывая парнишку хвостом и поднимаясь к потолку. Дан встал, снова прислушиваясь к биоволнам и борясь с тошнотой. Ладно, сегодня он еще служит в военном космофлоте, но скоро этого не будет. Скоро, но не раньше, чем он найдет свидетелей, видевших беглого комда! Не оставлять же этого живодера на свободе!

А это что? Кто-то еще пришел в себя? Дан двинулся по направлению волны и вышел в коридор. Навстречу ему шла коротко стриженная черноволосая девушка. Дорогой гражданский экзоскелет собирался складками на высокой хрупкой фигуре. Походка у девушки была странная – она то почти бежала, то останавливалась, будто сомневаясь, куда надо идти. Дан не мог понять, сколько ей лет – тонкое, узкое личико с широкими густыми бровями казалось и взрослым, и детским одновременно. Какая-то невменяемая. Дан прислушался к ее мыслям – биополевого фильтра у девчонки то ли не было, то ли она его случайно отключила. Мысли были на неосанскрите, но звучали так отчетливо, что Дан понял все до слова.

«Какая красота! Какие сильные, гордые движения! Если бы я могла встать рядом с ним и вместе бороться! Как Рани Ганешан в книге о войне за независимость! – услышал Дан. – Сати говорит, будто он стрелял по спящим в анабиозной, но этого не может быть! Смелость и красота несовместимы с подлостью!»

Что за чушь? Какая красота, когда здесь все в крови чуть не по колено? О чем думает эта невменяемая?

– Успокойтесь, девушка, и в анабиозную не входите. Оставайтесь в коридоре!

Каутильянка молча уставилась на него. «Что за долговязый урод? – услышал Дан ее мысли. – Смотреть противно. У человека должны быть видны черты лица – глаза, брови, волосы. А у этого и волосы рыжие, и лицо красно-рыжее от загара, и ресницы, и брови тоже рыжие – ничего не разглядеть! И глаза неприятные – прозрачные, голубые, и нос длинный, и губы странные – как будто он всегда улыбается. А тот – красивый, сильный, бесстрашный! Глаза черные, огненные, и брови черные. И на нем было надето что-то сверкающее ... Он настоящий человек, прекрасный и умный! Сати ничего не понимает!»

Так, а вот это уже интересно! Может, она и физиономию этого зеркального красавца помнит?

– Не отходите от меня, девушка, и ждите эвакуаторов, сейчас вас отправят на Стику...

Продолжая говорить, Дан слегка нажал внушением, и тотчас увидел в мыслях девушки смуглое худое лицо с крупным носом и угловатыми скулами, мрачно глядящее из-за темной пленки шлема. Ага, есть! У невменяемой особы, оказывается фотографическая память, как у сильного биополевика. Теперь запомним мысленное изображение, запишем в виде миража в микрокомп – и можно передавать в полицию!

– Воспитательница Сати Самадж просит прощения у господина пилота, но разговор должен быть окончен!

Четкие шаги простучали по коридору, и к Дану подошла высокая, по-каутильски смуглая и черноглазая, женщина. Ее мыслей Дан не услышал – дама отгородилась биополевым фильтром от вмешательства в ее личную жизнь. Серый дорожный комбинезон аккуратно обтягивал ее худощавую фигуру, волосы были собраны в строгий пучок. Одной рукой она пристраивала на поясе небольшой лучевой пистолет.

– Господин пилот нарушает закон Каутильи, по которому выросток, не достигший возраста пяти стандартных земных лет, не имеет права общаться с посторонними лицами в отсутствие воспитателя или опекуна. Вирикависта Нараян в любом случае подпадает под действие этого закона! – дама говорила на евроамериканском, при этом называя себя и собеседника в третьем лице, как полагалось по правилам каутильской вежливости.

Ах, вот в чем дело! Вот почему Дан не мог понять, сколько лет этой невменяемой Вирикависте! Она выросток, или – как это будет в женском роде? – выростица! На Каутилье их выращивают в интернатах или дома за пять-шесть стандартных лет до двадцати биологических. Потом еще пять лет – на Каутилье годы примерно такие же, как стандартные земные – их считают способными только работать и рожать детей, увеличивая население. В общем-то правильно, если они все такие идиоты, но все равно противно – настоящее скотоводство, на Стике от этих глупостей отказались еще лет сорок назад.

– Воспитательница Самадж требует гарантий, что Вирикависта Нараян, победительница конкурса молодых этнографов, будет немедленно доставлена на Стику при строгом соблюдении законности!

Что ей нужно? Как будто кто-то может сейчас заниматься доставкой ее невменяемой воспитанницы!

– Не беспокойтесь, госпожа Самадж, командование десантных войск обеспечит вам полное соблюдение закона! – услышал Дан звонкий женский голос, четко чеканящий каждое слово. Рядом с рослыми каутильянками появилась девушка в прожженном голубом комбинезоне пилота гражданского космофлота Стики, на рукаве форменной рубашке виднелись красные нашивки пилота высшего класса. Круглое лицо ее было в ссадинах и копоты, губы дрожали, а голос звучал слишком звонко и напористо. Девушка прихрамывала на правую ногу, но ярко-голубые глаза возбужденно блестели, а маленькая рука с короткими детскими ногтями крепко держала тяжелый лучевик.

– Воспитательница Самадж выражает благодарность собеседнице, которая помогла сохранить жизнь и здоровье Вирикависты Нараян во время налета, отстреливаясь от рейдеров, – с достоинством проговорила каутильянка.

– Не за что! Пилот гражданского космофлота всегда должен помогать пассажирам, даже если сам летит как пассажир! – девушка сжала лучевик обеими руками. На левой руке из-под засученного рукава виднелся синий мешок с регенератором. – Сейчас я отдам трофейный пистолет, соберу вещи и буду готовиться к инициации, а потом еще надо успеть... – зачастила она.

Да она, похоже, совсем на пределе! Держится отлично, но если не успокоить – сейчас разрыдается! Что с нее взять – гражданский космофлот, да еще женщина. Жаль, что у нее включен биоволновой фильтр, и нельзя успокоить ее внушением. Скорее отвлечь разговором, или сейчас тут будет истерика!

– Конечно, вы все успеете! – вмешался Дан. – Лучевик у вас заберет майор Дамьен, вещи долетят без вас на «Индре», а на инициацию я сам вас довезу, на «Астродесанте»! Могу даже договориться с Огнем Победы, чтобы он специально для вас прилетел, куда попросите. Я с ним давно знаком! Кстати, давайте и мы с вами познакомимся! Дан Сотников, пилотажная группа «Черные крылья»...

– Меня зовут Аурика Тенчи, космопорт «Приморский-1», пилот первого пассажирского класса. – быстро проговорила девушка. – Я летала в отпуск на Каутилью, это была такая туристическая поездка, а инициироваться мне совсем не надо, я инициировалась еще в восемнадцать стандартных лет...

С каждой фразой она говорила спокойнее, еще немного, и совсем придет в себя. Но какое у нее имя – Аурика, Золотая, Золотинка!

– А зачем же тогда вам инициация? Или вы еще раз хотите биополе усилить? Или вы будете провожать кого-нибудь из родственников, брата или сестру?

Она отрицательно замотала головой, и густые золотистые волосы вихрем взлетели над ней.

– Нет, я на инициацию полечу пилотом, повезу группу, когда астриониды будут забирать керасил. Но это еще не скоро, через шесть дней!

– Значит, вы еще много чего успеете даже сегодня! Давайте встретимся вечером, на посадочном поле около здания космопорта, только сейчас не идите через анабиозную, а прямо по коридору к шлюзу!

– Сати Самадж обращает внимание господ собеседников на необходимость доставки Вирикависты Нараян на Стику, – изрекла каутильская воспитательница.

– Идем, сейчас доставим, теперь все должно быть хорошо. До свидания, Дан! – Аурика оглянулась на ходу, блеснув улыбкой. Да она же настоящая красавица, когда улыбается! Кажется, теперь он знает, с кем полетит на свадьбу Элиала!

3

– В соответствии с законодательством Каутильи, Вирикависта Нараян, как выросток, не имеет права находиться в общественных местах без сопровождения опекуна или воспитателя! – Сати чеканила слова на евроамериканском, надвигаясь на маленького толстого человека. Тот смотрел на нее снизу вверх, отступая к стене и краснея – яркий румянец на круглых щеках пробивался даже сквозь густой красноватый стикский загар. Кави вздохнула. Ну вот, сейчас он согласится – с Сати Самадж всегда все соглашаются. А как хорошо было бы отправиться одной и в лес на свадьбу алов, и на инициацию!

– Госпожа Самадж, ваша воспитанница прекрасно показала свои познания в области этнологии и этнографии в своей конкурсной работе, а потому я, как специалист, уверен, что практическое применение этих познаний не составит для нее труда.

– Вирикависта Нараян не сможет адекватно вести себя при наличии языкового барьера! Она выучила евроамериканский язык ускоренным методом всего за тридцать стандартных суток!

С этим не поспоришь, Кави выучила евроамериканский совсем недавно, но она же все понимает, читает и пишет на нем без ошибок, даже конкурсную работу написала на евроамериканском!

– Языковой барьер не представит препятствия для вашей воспитанницы, поскольку Вирикависта свободно владеет евроамериканским, ее конкурсная работа написана прекрасным стилем, что заставляет предполагать в монадности ее мышления яркий прорыв к немислимости тонких обобщений. – продолжал толстый человек. – Кроме того, желание проникнуться духом незнакомого общества сквозит в недрах ее мысли, обращая в язык невыразимое во внешних слоях мышления.

Насколько знала Кави, в ее работе не было ни монадности, ни невыразимого. Но специалисту виднее, что там в недрах...

– Этнология и этнография не могут развертываться как чистое умозрительное познание или общая теория человека. Эмпирическое проникновение возможно для человеческого разума лишь внутри некоей практики, которую недопустимо ограничивать вашим постоянным наблюдением, – глядя снизу вверх, человек говорил уверенным хрипловатым басом. Кави вспомнила учебники по космоэтнографии, которые она читала, готовясь к конкурсу – хриплые голоса должны были быть у всех биополевиков, как и рыжие волосы. У этого биополевика волосы были темные, только слегка рыжеватые, зато голос был как раз такой, как надо.

– Уважаемый Ральф Хоппе должен понять, что семья Нараян не потерпит нарушения законов в отношении младшей дочери главы семейства! – настаивала Сати. – Господин Хоппе должен понять, что она находится под действием нанокомпенсаторов быстрого роста и обучающего чипа, что накладывает значительные ограничения на ее дееспособность!

Румяный господин Хоппе сделал очередной шаг назад и уперся спиной в стену космопорта.

– Дорогая госпожа Самадж, устройства, которые вы упомянули, не мешали талантливой юной исследовательнице связать аналитическое знание с практикой, стремясь достичь крайних его пределов. – хрипло возразил он. – Присутствие вашей воспитанницы на торжествах в деревне алов было бы весьма полезно для ее развития как этнографа, это была бы настоящая полевая практика этнографии. А если вы сочтете необходимым оградить мысли юной Вирикависты от нежелательного вмешательства, можно будет хоть сейчас вживить ей биоволновой фильтр. На Стике такой фильтр носят все, кроме маленьких детей. Он пропускает мысленные команды бытовому оборудованию, но не позволяет посторонним прослушивать мысли или внушать.

– Воспользоваться фильтром в деревне аборигенов Вирикависта Нараян не сможет! – отрезала Сати. – Собеседница прекрасно знает, что при общении с аборигенами Стики включение биополевого фильтра неприемлемо по этическим соображениям. Однако для Вирикависты это недопустимо – мысли выростка не должны быть доступны иным лицам, кроме непосредственного воспитателя!

Ну вот, на свадьбу алов Кави тоже не попадет! Она уже целый день на Стике, и вообще ничего не видела, кроме номера в гостинице космопорта.

– Конечно, запретить мысленное общение – ваше право как воспитательницы, здесь возражений быть не может. Но присутствие победителей конкурса молодых этнографов и этнологов «Молодость Галактики» на борту катера «Рассвет» во время инициации – это истинное проникновение в микрокосм общества Стики. – продолжал господин Хоппе. – Но присутствие на инициации и приобщение к современным традициям Стики и Астриона – это награда для победителей конкурса, а не для их воспитателей! – закончил он ядовито.

– В таком случае, пусть господин Хоппе, как член оргкомитета конкурса и представитель министерства образования Стики, заверит своим идентификатором документ о собственной ответственности за безопасность Вирикависты Нараян во время инициации, – объявила Сати. Хоппе согласно кивнул, с темных волосах мелькнули рыжеватые отблески. Кави затаила дыхание, сердце заколотилось где-то в горле. Ура! Хотя бы на время инициации она будет действительно свободна!

– Конечно, я с радостью заверю идентификатором обязательство о собственной персональной ответственности за безопасность юной Вирикависты! Пройдемте, пожалуйста, со мной в управление космопорта!

– Вирикависта Нараян должна следовать за воспитательницей! – скомандовала Сати, и Кави поплелась за ней, едва дыша и с трудом передвигая ноги – притяжение на Стике было почти вдвое сильнее привычного каутильского. Голова слегка кружилась от избытка кислорода. Как биополевики вообще здесь живут?

– Вирикависта Нараян может включить двигатель экзоскелета!

Кави включила двигатель, и идти сразу стало легче – космический костюм начал сам двигать ее руки и ноги. Сердце, правда, все равно колотилось – с тяжестью крови в ее сосудах экзоскелет ничего сделать не мог. Хоппе отвел их в какую-то комнату, где вместе с Сати подошел к столу с пультом, а Кави уселась на стул возле открытого окна.

Из окна было видно зеленоватое посадочное поле, слева стояла белая трибуна с местами для зрителей, а над ней плавали миражи с разноцветными государственными флагами. Зрителей уже не было, на трибуне и на поле было пусто. С дальнего края поля белой стрелой взлетел перехватчик, и Кави на секунду приподняло над стулом. Катер улетел, и притяжение вернулось.

Кави встала на стул коленями и высунулась из окна. Прямо перед окном бежала движущаяся дорожка с тремя полосами движения, а за ней поднимался мираж с надписью: «Межпланетный Космосалон Звезда 2474». Вот странно! Сати говорила, что Стика – отсталая планета, а здесь у них даже космосалон. Интересно, что здесь показывают?

Мираж, будто услышав мысли Кави, мгновенно сменил изображение и показал нечто шарообразное, блестящее, усеянное темными круглыми впадинами и конусообразными выпуклостями. Как бы сделать его покрупнее и разглядеть? Мираж немедленно начал раздуваться, расти и перемещаться в сторону окна. Неужели он принял сигнал ее мыслей на неосанскрите? Вот здорово!

«Базовый корабль «Кентавр», проект СВК-2465 построен конструкторским бюро «Икар» в 2468 году, является испытательной базой КБ «Икар». Диаметр 300 метров... количество катеров – 20, перехватчиков – 85. – прочла Кави в мираже рядом с изображением корабля-шара. Ого! Вот таких длинных крылатых перехватчиков, как тот, что улетел, там целых семьдесят пять! Дальше шли непонятные технические слова на евроамериканском, но Кави подозре-

вала, что на неосанскрите она бы тоже их не поняла. – Доступные скоростные коридоры – до 18С. По этому же проекту построены «Вихрь» (Военный космический флот Стики) и «Уграсена» (Военный космический флот Каутильи). Аналоги могут быть построены под заказ...». Вот интересно, для Каутильи на Стике тоже строят корабли! О корабле «Уграсена» Кави даже что-то слышала раньше! Значит, не такие уж они тут отсталые...

По самой быстрой полосе движущейся дорожки пробежал мимо окна высокий худой человек в черном комбинезоне, перепрыгнул на повороте через перила и надпись «Проход запрещен», приземлился в зарослях фиолетовых стикских растений и вбежал в здание космопорта. Но ведь это тот самый рыжий пилот, который разговаривал с ней сегодня! Уже вечер, он, должно быть, бежит к девушке, с которой договаривался на «Индре». Вот если бы Кави могла так бегать и прыгать на этой жаркой планете с огромным притяжением! И если бы ей было к кому бежать!

А что это за фиолетовые растения, в которые прыгнул пилот? Округлые, в буграх и впадинах, напоминающие мешки, набитые мячами. Наверное, это те самые аморфиты, которые она видела в мираже по космографии! Когда они засыхают, в них живут алы, аборигены Стики, и еще какие-то животные. А еще там было сказано, что аморфиты – это основная растительность на Стике, и что они бывают фиолетового цвета, а на самом деле они совсем разные. Большие, ростом метра по три, бугристые и толстокожие, – действительно фиолетовые; мелкие, по колено человеку, – ярко-розовые, а самые маленькие, растущие даже из трещин в пластике посадочного поля, – почти белые.

От раздавленных пилотом аморфитов шел острый запах, напоминающий запах водорослей, которые растут в каутильских морях. Эти водоросли сто лет назад привезла с Земли фирма «Нараян» во время терраформирования Каутильи. И не только водоросли – и деревья, и травы, и образцы почвы, по которым синтезировали всю почву Каутильи, были привезены с Земли угнетателями из Индостанской Федерации. На Каутилье все было сделано правильно – местные мхи и лишайники сохранены только в заповедниках, а везде, где жили люди, росла земная растительность, и жили земные звери и птицы.

Странно, в учебниках сказано, что без терраформирования полноценной жизни для людей на планете быть не может, а на Стике все растения местные! И море у них здесь не искусственное, а настоящее, которое было всегда, еще до прилета людей с Земли. А это что такое? Перед лицом Кави, шевеля двумя десятками ножек и хлопая кожистыми зелеными крыльями, приземлилось на подоконник живое существо длиной в две ладони. Кажется, это была стикская многоножка, во всяком случае, ног у нее было не меньше десятка.

Из-под раздавленных растений раздался шорох, зашевелились куски разорванной кожуры аморфита, и из-под них выползло безногое существо размером едва ли не с человека. Ой, Трое Великих! Это кавин, местное неразумное животное! В мираже по этнографии Кави видела, что аборигены даже что-то готовят из его мяса и едят. Кави посмотрела, как похожее на гигантского слизняка существо, быстро переливаясь с места на место, подползло к крупному аморфиту и начало прогрызать отверстие в его коже. Со стороны дорожки послышался шум, и кавин быстро скользнул в аморфит.

По мимо окна средней полосе дорожки проехали два невысоких, коренастых и смуглолицых пилота в серой форме с черно-зелеными нашивками на рукавах. Они шумно разговаривали, размахивали руками и разглядывали мираж с базовым кораблем. Кави прислушалась – некоторые слова казались ей знакомыми, но понять она ничего не смогла. Ну конечно, это же угнетатели из Индостанской Федерации! Целых сто лет они угнетали Каутилью, пока ее борьба за свободу не увенчалась полным отделением. Теперь индостанцев на Каутилье не увидишь. Как это на Стике их терпят? Впрочем, Стика ведь не была их колонией. Однако она была когда-то колонией Союза Северного Полушария, но вроде бы землян здесь принимают неплохо.

Угнетатели, шумя и смеясь, уехали на дорожке в сторону города, где над домами летали стаи разноцветных унимобилей и уникрыльев. Машины облетали стеклянные полупрозрачные здания, мелькали среди ажурных многоэтажных мостов и садились на площадки. Кави вздохнула, глядя на выющиеся в воздухе унимобили. Вот бы поводить хоть раз такую машину! Когда же она станет по-настоящему свободной?

А это кто среди машин летает на собственных черных крыльях, руля хвостом? Это же коренные жители Стики! В мираже, который Кави читала перед отлетом на «Индре», они назывались «алы». И они не только в городе летают, вот целая компания их летит над полем, сверкая черной кожей крыльев и блестящими сетчатыми накидками, а двое среди них – в черных одеждах, напоминающих ромб и повторяющих форму их тела. Похоже на комбинезоны пилотов, может быть, они и есть пилоты? Вот интересно было бы с ними поговорить!

Но разговаривать с алами могут только местные люди – биополевики, потому что алы говорят только мысленно, биоволной. Поэтому включать биополевые фильтры в присутствии алов считается невежливым, об этом только что говорила Сати. В миражах по этнологии Кави читала, что у биополевиков сильное биополе, что они могут слышать чужие мысли и передавать собственные – людям, алам, кому угодно. А в Грависети была статья, где говорилось, что биополевики – это люди, созданные искусственно в институтах конструктивной генетики, как и модифицированные жители Каутильи. Но у модификантов-каутильцев все прогрессивно и полезно – они имеют большой объем легких, чтобы дышать разреженным воздухом Каутильи, и легкое, изящное телосложение, которое удобно при малом притяжении их планеты. А вот у биополевиков много лишнего. Часть формулы ДНК у них создана по образцу алов, и поэтому у биополевиков отличная память, какая-то жуткая скорость реакции, и вообще они сообразительные. Правда, главная способность – внушать свои мысли и слушать чужие – проявляется у них лишь когда они становятся взрослыми, и только после инициации. А инициация происходит при встрече с астрионидами и их знаменитым А-полем, причем биополевик при этом обязательно должен испытать нервное напряжение или какие-нибудь сильные чувства. Впрочем, как говорилось в той статье, если даже инициации не будет, биополевик и без слушания мыслей не пропадет.

– Смотрите, госпожа Самадж! Рейдеров ведут! – услышала Кави голос Ральфа Хоппе. Сердце оборвалось, а потом застучало так, будто Кави только что пробежала через все посадочное поле при стикском притяжении и без экзоскелета. Рейдеров? И ее комда тоже? Кави высунулась из окна. По краю поля, не поднимаясь на движущуюся дорожку, брела колонна из двух десятков понурых, мрачных людей. Головы их были обриты наголо, и на левых висках виднелись заклеенные голубыми пакетиками с регенератором места, куда им были вживлены чипы внушения. В начале и в конце колонны шли стикские полицейские в их красно-синих комбинезонах, держа наготове дубинки и какие-то черные ящички.

– Это портативные станции внушения, чтобы держать их под контролем, – объяснил господин Хоппе своим хриплым голосом. Кого они собрались держать под контролем? Чьи мысли будут подавлять эти биополевики, не знающие свободы? Свободного человека, огнеглазого и смелого комда? Они не имеют права! Кави лихорадочно всматривалась в лица пленных, но не видела ни огненных черных глаз, ни прямых четких бровей, ни твердо сжатых губ. Наконец, мимо нее прошел последний человек с обритой головой. Комда здесь не было! А если его, командира, уже заперли в какой-нибудь ужасной тюрьме? Или она чего-то не поняла? Она должна знать точно!

– Господин Хоппе, – проговорила Кави по-евроамерикански, запинаясь на каждом слове. – А они все здесь? Все, кто был там?

– Почти все, но вам, моя милая, не придется впускать ненужный страх в свой духовный микрокосм. Один из них успел скрыться еще в космосе, но на Стике он никогда не появится, поверьте мне! – добродушно улыбаясь всем своим румяным лицом, ответил Хоппе.

Успел скрыться? Ну конечно! Разве кто-нибудь может захватить этого сильного, умного, по-настоящему свободного человека? К тому же он ни в чем не виноват! Мало ли какие ужасы творили эти рейдеры, но ведь это же не он! Кави облегченно улыбнулась, глядя на Хоппе и Сати.

Строгое лицо Сати вдруг сделалось напряженным, потом испуганным, и она попятилась от окна. Пульт в глубине комнаты со звоном выключился. Хоппе, нахмурившись, выглянул в окно. Кави почувствовала смутную тревогу, волнение переросло в страх и отчаянный ужас. Кави выглянула в окно из-за плеча Хоппе. Над посадочным полем висел огромный сгусток ярко-синего пламени. Длинные гибкие языки синего огня взлетали вокруг него. Один из языков протянулся вниз, и Кави вскрикнула от страха – ей показалось, будто он падает прямо на нее.

– Вирикависта Нараян не должна подвергаться опасности! – крикнула Сати и помчалась к двери, таща за руку Кави.

– Да подождите, это всего-навсего астриониды с их А-полем! – крикнул им вслед Хоппе.

Кави почувствовала, как пол уходит у нее из-под ног, будто в невесомости. Она споткнулась о порог и полетела вперед, отпустив руку Сати. Скорее бежать! Трое Великих, помогите! Она выскочила в коридор и помчалась по нему, куда глаза глядят. Впереди показался светлый прямоугольник двери, Кави бросилась туда, но это был выход на посадочное поле. Комок синего огня полыхал в небе, а огненная лента связывала его с зеленым пластиком поля. Но если это астрионид, как же он не взрывается во влажной атмосфере? Ведь астриониды от водяного пара взрываются, это всем известно! Это плазменные существа, сродни шаровым молниям!

Кави замерла в дверях, ухватившись за дверную ручку. Нет, для астрионида этот огненный шар слишком велик, но в Грависети она видела мираж с «летучей звездой», космическим кораблем астрионидов, вот на него этот сгусток огня очень похож! Кави почувствовала, что страх отступает, во всяком случае, она уже могла стоять на месте. Может быть, можно еще немного посмотреть на корабль с Астриона? Ее прекрасный комд, конечно, не испугался бы!

По синей ленте огня в сторону космопорта поплыл продолговатый предмет, похожий на бочку метров в десять длиной. На выпуклых боках виднелись круглые наросты, а между ними – круглые окошки, в которых металась синие огоньки. За ним выплыли еще две бочки, но они были серыми и вполовину меньше размером. Синеватый отсвет окружал их круглые бока, белые звезды сверкали в окошках, длинные щупальца вытянулись из наростов и покачивались при движении.

На вид бочки казались керамическими, и Кави быстро вспомнила название этого материала – квазикерамика. Ну конечно, бочки – это скафандры астрионидов, а их всегда делают из квазикерамики! А керасил, сырье для нее, поставляют астрионидам заводы Стики и единственная фирма на Каутилье – фирма «Нараян». Об этом Кави слышала всю свою жизнь, о фирме семьи Нараян говорилось даже в учебниках. Терраформирование, геологическая разведка новых планет, добыча керасила...

Один из меньших скафандров, спустившись с ленты, встал прямо перед большим, уже плавающим над полем. Большой скафандр заколебался, над ним взвилось синее сияние с бегущими в нем белыми звездами и вихрями. Что это? Три оконца в торце скафандра засверкали синим огнем, и из них рванулись языки пламени. Кави зажмурилась от страха, замерев в проеме двери.

– Ложись! – рявкнул над ухом хриплый голос. Сильный удар в спину сбил Кави с ног, и она упала через порог, распластавшись на крыльце. Топот нескольких пар ног прогремел над головой Кави и затих.

Дан выскочил на посадочное поле, на бегу разглядывая синее сияние с белыми искрами над серым скафандром астрионида. Аурика и болтун из министерства образования бежали сле-

дом, с другой стороны поля спешил полицейский майор. Биоволновые фильтры были отключены у всех – А-поле отключило их так же, как все электрическое оборудование.

«Почему ты не выполнил приказ? Почему прекратил расчеты координат во время выступления, чтоб тебя на Невидимку унесло? Ты ответишь за срыв выступления перед Советом Древней Памяти!» – бранились четкие белые звезды над серой квазикерамикой. «Огонь, это я, Сотников, прекрати стрелять на космодроме!» – передал Дан, останавливаясь и нажимая внушением изо всех сил, но разгневанный астрионид не ответил. «Вы должны успокоиться и включить экранирование, здесь люди, они могут пострадать», – внушали Аурика и болтун из министерства, но разгневанные жители Астриона не поддавались. Должно быть, от волнения Дан и его спутники внушали не спокойствие, а собственный страх. Выяснение отношений продолжалось.

«Я пересчитал координаты сразу, как только увидел захваченный рейдерами человеческий корабль! Надо было помогать или уходить, и ты сам это понимаешь, Огонь Победы!» – заявил в ответ своему начальнику астрионик, рассыпая вокруг себя крупные, расплывчатые блики и вихри. Дан узнал эти расплывчатые отсветы – это был молодой «номер» Огонь 2079. Старая и богатая астрионидская семья Огонь всегда имела в услужении не меньше пятидесяти астриоников одновременно, а за всю историю семьи их набралось больше двух тысяч. «Пока не получен приказ, ты, беспамятный, не имеешь права ни считать, ни думать! Иначе получишь боевого огня!» – отчеканили четкие звезды Огня Победы. «Пока ты сообразил бы дать приказ, мы давно столкнулись бы с ними!» – хлопая и шипя, отчаянно засверкали белые вихри над коричневым скафандром астрионика. «Номер» был прав – обычно астриониды собирались с мыслями куда дольше, чем их слуги. Огонь Победы засверкал переливами синего пламени, швыряя короткие синие языки во все стороны, шипя и свистя. Знаменитое А-поле астрионидов работало вовсю, страх разогнал всех зевак с движущихся дорожек космодрома. Второй астрионик, окружив себя сиянием голубых спиралей, рванулся на помощь товарищу.

– Да прекратите же, наконец! – заорал Дан, перекрывая грохот и шипение боевого огня. Что за характер у этого Огня Победы! Всегда и везде делает, что хочет! Как теперь остановить расправу? Аурика встала рядом, повторяя мысленные приказы, но страх мешал ей еще больше, чем Дану. Надо внушить астриониду спокойствие, астриониды поддаются внушению не хуже людей, но как это сделать, когда тебя самого трясет от страха?

«Получай!» – вспыхнула одинокая белая звезда над скафандром астрионида, и три новых языка синего пламени с шипением ударили навстречу светлому огню астриоников. Голубое пламя смешалось с синим, синие языки охватили коричневый скафандр «номера», и белый огонь с грохотом вырвался из его окошек. Треск и гром, как во время грозы, раскатился по космодрому, ураган осколков полетел во все стороны, и Дан упал на зеленый пластик поля, увлекая за собой Аурику. Вспышка синего огня ударила над их головами в стойку трибуны, трибуна перекосилась. Страх бушевал ураганом, краем сознания Дан улавливал сильное биополе министерского болтуна, испуганные волны майора и еще чей-то сигнал, но они внушали вразнобой и не могли остановить разгневанного астрионида. Аурика рванулась из-под руки Дана, пытаясь вскочить и убежать. Боевой огонь мелькнул у поверхности поля.

– Спокойно, спокойно, не вставать, расслабиться, – громко и отчетливо заговорил Дан, стараясь говорить как можно равнодушнее. Голос у него был, к счастью, сильный, и легко перекрывал треск и шипение боевого огня. – Здесь нет врагов, все прошло, жизнь продолжается, тишина и тепло, свет и спокойствие...

Привычные формулы внушения начали срабатывать, Аурика начала прислушиваться, министерский деятель повторял формулировки, мягко и сильно нажимая биополем точно в такт словам Дана, как алы во время мыслепения. Однако этот болтун из министерства образования отлично работает! Общая сила сложенных биополей начала расти, и вот уже Огонь Победы придержал очередной залп своего боевого огня.

– Повторяй за мной, Аурика. – быстро проговорил Дан. – Спокойствие идет, река течет, солнце светит, облака плывут. Кто стоит, тот хочет сесть, кто сидит, тот хочет лечь, кто лежит, тот засыпает, все устали, отдыхают...

« Много пройдено дорог,
Все устали, спать хотят.
Нет сомнений, нет тревог,
Нет волнений, люди спят...»

-проплыла женская биоволна на неосанскрите. «Надо спеть колыбельную, она успокаивает даже маленьких детей. Сати включала мне мираж с этой песней, когда я должна была ложиться спать. Но как я смогу успокоить астрионида, я же не могу внушать, я не биополевик...» Как это не биополевик, что она сомневается? Сила поля вполне серьезная! Но зачем на неосанскрите, а не на родном евроамериканском? Но это все потом, сейчас внушать, успокаивать!

– Все повторяйте за мной, держите ритм стиха, – спокойно, с расстановкой приказал вслух Дан, так чтобы слышали все. – Много пройдено дорог...

Стихи на неосанскрите повторил только толстяк из министерства, но так сильно и уверенно, что на душе и вправду стало спокойнее. Дан приподнял голову и увидел, что голубое сияние над коричневым скафандром «номера» уже угасло, а более упрямый и медленно сообщаящий его начальник тоже постепенно укрощает свои огни.

– Все устали, спать хотят... – внушали Дан и министерский деятель, Аурика внушала спокойствие в такт их словам, а незнакомая биоволна еще раз повторила свою песенку. Полицейский майор встал и пошел к месту происшествия размеренной походкой, стараясь не раздражать астрионида. Наконец, Огонь Победы полностью успокоился, повернулся боком к оставшемуся в живых «номеру», как бы показывая, что не опасается нападения. Страх отступил, а вокруг квазикерамических скафандров появилось серебристое облачко – это астрионид и астрионик поставили экранирование А-поля. Дан встал, протянув руку Аурике.

– Господин Огонь Победы, вас приветствует майор Трошин, – заговорил вслух полицейский майор, остановившись между огромными скафандрами жителей Астриона. Майор, как видно, был человеком опытным – стоять между двумя астрионидами или астриониками было опасно только на первый взгляд, боевой огонь бил чаще всего из передних окошек скафандра. – Попрошу вас объяснить вашу неуместную перестрелку, закончившуюся гибелью одного из ваших помощников. По законам Стики гибель разумного существа ...

Астрионид слегка повернулся в его сторону.

– Никакого разумного существа! – проговорил Огонь Победы бесцветным, как у робота-уборщика, голосом. Ну, отлично! Значит, совсем успокоился, и сообразил, что не все на Стике могут понять астрионидский оптический язык белых вспышек. – Это было беспамятное и бесплодное создание, созданное мной в восходящем потоке для моих собственных нужд!

– Закон Стики, который я представляю, не различает разумных существ по месту рождения, – сказал майор. – Участник Космосалона, пилот Огонь 2079, разумное существо, имеющее право на жизнь, был убит вами на посадочном поле космодрома в присутствии свидетелей.

– Какие права могут быть у беспамятных? Они – слуги, и должны служить, чтоб их на Невидимку унесло! По законам Астриона беспамятные принадлежат хранителям Древней Памяти, как любое имущество, и могут быть уничтожены, если не нужны!

– Но имеются и общегалактические законы! Галактический Арбитраж признал астриоников разумными существами с самостоятельным мышлением. Они равноправны со всеми прочими разумными существами! – не уступал полицейский.

– Ну и равняйте их с собой, беспамятные, а не со мной! – снова возмутился Огонь Победы. Серебристый экран над скафандром снова растаял, синие огоньки в окошках скафандра забегали, и страх ударил в сознание Дана. – Я храню Древнюю Память великого полководца Огня Силы, пусть пребудет всегда его память в потомках! От меня до него – тридцать четыре поколения, но я помню все, что знал он! Стратегия, тактика, опыт строительства крепостей! Самая большая крепость Астриона так и называется – Крепость Огней! А беспамятные создания могут знать только то, что я им расскажу, и тратят на обучение треть своей жизни, чтоб им на Невидимку свалиться! Каждому – свое место! – закончил астрионид. Невидимкой астриониды называли нейтронную звезду, вокруг которой вращался Астрион, и насколько знал Дан, на ней не было места ничему.

– Но вы все равно не должны были стрелять на посадочном поле! – вставила Аурика. – А кроме того, завтра вы должны провести инициацию. Вы будете на инициации, Огонь Победы?

– Обязательства, данные Стикскому правительству Советом Древней Памяти, я выполню. – изрек астрионид. – В соответствии с договором, произойдет инициация вашей молодежи – сначала для особо важных персон, потом общая. После этого на заводе, принадлежащем государству Стики, мною будет получен керасил. Все прочие объяснения я буду давать не случайным беспамятным существам, а ответственным лицам.

Огонь Победы величественно развернулся и в сопровождении своего оставшегося в живых «номера» поплыл, не касаясь поверхности посадочного поля, в сторону космопорта.

«Много пройдено дорог,
Все устали, спать хотят...»

– снова услышал Дан. В открытой двери служебного входа космопорта стояла невменяемая каутильская девица. Так это она мысленно пела колыбельную? Вот почему неосанскрит! Но этого не может быть. У каутильцев сильного биополя никогда не бывает, оно с их наследственностью не сочетается, а попросту говоря, биополевика-каутильцы гибнут в младенчестве. Кроме того, Центр Человека по закону не имеет права конструировать биополевиков для других планет и государств, а девчонка прилетела с Каутильи. Тем не менее, она только что иницировалась до вполне приличных двухсот бионтов!

– Подождите, подождите! Я должна с вами поговорить! – крикнула Аурика, бросаясь к служебному входу. Но как бежит – одно удовольствие смотреть! Ногу, видно, уже залечила, не хромает, а летит, будто не отталкивается от земли, а только для приличия слегка прикасается! И волосы по ветру – эдакая золотая, блестящая, густая грива! И каждый взмах маленьких, как у ребенка, рук – как в танце, как будто она не может сдержать свою силу и радость жизни. Вот это девушка! Но что ей нужно от странной каутильянки?

Аурика уже почти добежала до служебного входа, но за спиной выростицы появилась строгая воспитательница и молча увела ее в глубину здания космопорта. Толстяк из министерства, запыхавшись, вбежал следом за ними, что-то на ходу бросив Аурике, и та повернула обратно. Астрион удалился, зеваки уехали на включившейся дорожке, а на левом рукаве Дана проснулся микрокомп.

– Дан, ты можешь говорить? – загремел на все посадочное поле зычный голос матери, и Дан тут же переключил разговор на мысленные сигналы. Ну что она пристаёт, и именно сегодня!

– Как ты там? Я все понимаю, у тебя своя жизнь, но всему есть мера! – укоризненно продолжала мать. – В новостях о тебе ужасы передают, ты целую декаду не выходил на связь, а сейчас даже микрокомп отключил!

Ну вот, приехали! Братьев и сестер у Дана нет, отца никогда не было, вот мать и отыгрывается на нем одном. Но он говорил с ней всего декаду назад, нельзя же каждый день отчитываться, ему нужна свобода!

Дан бросил взгляд на Аурику – девушка остановилась в двух шагах от него, старательно отряхивая голубую брючину комбинезона маленькой белой рукой с трогательными круглыми ноготками. Нет, все-таки, какая девушка! Скорее закончить с матерью и уговаривать Золотинку до тех пор, пока не согласится составить ему компанию! А там – все впереди и возможны варианты!

«Я не отключал, мам, просто здесь был астрионид,» – передал Дан торопливую мысль.

– Ну ладно, ты жив, и то хорошо, – успокоилась мать. – Тебе после всех твоих приключений должны отпуск дать, так может, залетишь ко мне?

Но не должен же он в отпуск обязательно лететь к ней!

«Всего пять дней, не знаю, успею ли...»

– На полдня вполне успеешь, – мать было не так просто сбить с толку. – Ты знаешь, я, что на работе, что дома – все равно в Центре Человека. И можешь привезти свою девушку – ту, которой ты сейчас голову морочишь, вон она скучает и брюки отряхивает...Пока!

Мать отключила связь. Вот еще явление природы! Как она ухитрилась разглядеть Аурику, если объектив был направлен на самого Дана? Однако надо браться за дело! Такая девушка, такой самородок золотой редко попадается! И его свободу она уж точно ограничить не будет!

4

Дан вызвал «Каравеллу» со стоянки, и через минуту белое уникрыло аккуратно село на посадочное поле, что строжайше запрещалось инструкцией. Впрочем, до края поля оставалось не больше трех метров, вряд ли здесь мог бы сесть какой-нибудь катер или челнок. Но надо бы взлетать, иначе автоматика космопорта пошлет рапорт на «Кентавр», и придется последние дни перед отставкой провести на гауптвахте.

– Прыгай, Золотинка, открывай фильтр – и на свадьбу! А брюки не оттирай – все равно грязные будут!

Голубые глаза посмотрели на него снизу вверх озадаченно.

– Почему грязные? И разве мы летим на свадьбу?

Дан подхватил Аурику под мышки, усадил на сиденье уникрыла и закрепил на ней фиксатор.

– Обязательно летим!

– А у меня подарка нет! – решительно принялась расспрашивать она. – Кто женится, твой друг? Или родственник?

Она засмеялась, и ровная подковка белых зубов блеснула на солнце. Да ради такой улыбки Дан и сам бы женился, если бы хотел связать себя!

– Женится мой родственник Элиал, это тот пилот-ал, который был со мной на «Индре». Вими, его невеста – городская алаи, они все сейчас полетели за ней в приморский, а потом – домой, в Нижний Залив.

– А почему ал – твой родственник? Конечно, по большому счету, мы все родственники алам, но на свадьбы летаем все-таки к людям, а не к алам!

– Элиал из деревни Нижний Залив – мой родственник через деда Наваила. Когда мать конструировала меня в Центре Человека, она скопировала мне аловскую составляющую в генетической формуле с деда Наваила. Алы считают это настоящим родством.

– Мать сама тебя конструировала? А она конструктор-генетик?

Да, заведующая лабораторией конструктивной генетики в Центре Человека. У нее хорошо получается. Я, между прочим, дал триста пятьдесят бионтов после первой же инициации! – объявил Дан и лихо прыгнул на водительское место. Глаза Аурики округлились, от удивления она снова засмеялась. Кажется, он произвел на нее впечатление, теперь надо закрепить эффект.

Из-за белой крыши космопорта появилась черная туча летящих алов, летящих из Приморского. Повеяло соленым запахом стикского леса, сушеной змеиной кожей, горьковатым духом аловской деревни. Дан повел «Каравеллу» навстречу аловской свадьбе.

Впереди, стараясь не пролетать над посадочным полем, летели жених и невеста. Хвостатый братишка соблюдал правила до последней буквы, даже во время собственной свадьбы. Одет он был тоже по всем свадебным правилам. Хамелеоновый экзоскелет исчез, на двухметровые черные крылья Элиала была накинута замысловатой вязки сетка из кожаных ремешков, а с каждого пальца свисали узелки на счастье, связанные из сушеных лиан. Черная кожа ала красновато поблескивала в свете заката, мощный хвост ловко обнимал невесту, сплетаясь с ее хвостом. Невеста была совсем молоденькая, еще не черная, а с фиолетовым отливом, как у алов-детей, с выпуклыми яркими глазами. Она пыталась неторопливо взмахивать крыльями в такт сильным взмахам Элиала, но то и дело сбивалась на торопливые беспорядочные хлопки. На лиловых крылышках Вими поблескивала городская тонкая, блестящая сеточка с наноподсветкой, а ее маленькие пальцы крепко сжимали узелки удачи. Дед Наваил летел за молодыми, его серые от старости крылья были облачены в три слоя старинной деревенской сетки из черных и лиловых полос подсушенной кожуры аморфита. В узлах сеток были вплетены бусины из

коричневого бешеного ореха и синих семян водяного белого аморфита, а по краям развевалась бахрома из речных водорослей.

Дан поднял уникрыло повыше и трижды торжественно спикировал перед свадьбой. Аурика, не полагаясь на фиксатор, вцепилась в него сзади изо всех сил. Четверо молодых черных алов, почти таких же здоровенных, как Элиал, тоже спикировали перед Даном и его спутницей, приветствуя их. Потом Дан сделал круг над летящей свадьбой и полет продолжился.

«Лои, здравствуйте, пусть ветер поддержит ваши крылья, друзья! Радости тебе, братишка Элиал, счастья тебе, Вими, веселой свадьбы, дедушка!» – передал Дан мысленные поздравления.

«Благословенны дни любви света,
Путь счастья начинается прекрасный.
Но трижды сбудется благословенье это
У опыта с любовью первой ясной».

– торжественно ответил дед Наваил, и они полетели дальше.

– Ого, какие стихи! – шепотом спросила Аурика. – Я таких еще никогда не слышала!

– И не услышишь, дед Наваил сам их сочиняет.

– А про первую любовь – это про выбор? А кто у кого был первым? – расспрашивала Аурика.

Смешно, когда военный испытатель обсуждает чужие семейные дела, но сейчас, пожалуй, придется.

– Элиал у Вими первый, у него уже были раньше алаи, потому он и стал мужского пола, как водится у алов.

– А, вот почему она такая фиолетовая! Совсем девочка, то есть алао, ребенок среднего рода! Интересно природой у алов устроено – в сознательном возрасте можешь выбрать, кем жить, без всякого дополнительного вмешательства. Но я бы все равно не хотела бы быть мужчиной!

Пусть бы только попробовала! Такая женщина! Небо быстро потемнело, на нем высыпали ровной линией яркие звезды Звездного Пути. Дан с детства знал, что это всего лишь кольца Стики, летящие по орбите тучи мелких астероидов, пыли и обломков, но сегодня Звездный Путь казался сказочным путем счастья, как в стихах деда Наваила.

Но вот впереди, у берега темного ночного моря, показался темный круг деревенского двора, образованный огромными, бугристыми, сросшимися аморфитами. Дан всегда удивлялся, как алам удается выращивать аморфиты такого размера. Ни в диком лесу, ни в городских посадках под присмотром людей такие аморфиты не получались. Вокруг стены горели костры, над верхним ее краем плавало призрачное кольцо светящейся нанопыли, подсвечивая круглый деревенский двор. У основания стены из аморфитов виднелся вросший в аморфит аккумулятор, рядом развернула крылья солнечная батарея, а в двух местах над стеной поднимались тупоносые башенки грависвязи. С техникой у алов было неплохо.

Дан посадил крыло внутри деревенского двора. Знакомые острые запахи аловского жилья, прелой аморфитной кожуры, расплавленной изоляции и машинного масла окружили его. Пыльный запах кавинов плыл из черных круглых окон, сделанных в стене у самой земли. От самих алов пахло по случаю торжества притираньями из жеванных цветов аморфитов и городскими духами. Кое от кого, правда уже попахивало и хмельным бешеным орехом, который алы грызли для того же, для чего люди пьют спиртное.

Сидеть в аловской деревне было не на чем, кроме как на аморфитах. В мыслях Аурики промелькнуло что-то об окончательно испорченных брюках, музейной обстановке и старой коже, и Дан остался сидеть вместе с ней на сиденье уникрыла.

– Как хорошо, тут все как в музее! И стена из аморфитов, и деревенский двор! – пришла в восторг Аурика. – Здесь всегда так или только в честь праздника? Даже «сиденье вождей», как в старинном мираже, – первый раз в жизни вижу!

– Это все дед Наваил, он потомственный учитель мыслепения, поэт, собиратель песен и сказок, вот и убедил соседей и родственников сохранить старину, – объяснил Дан.

Сколько трудов стоило старому Наваилу сохранить этот музейный вид, сколько денег было вложено, легче построить два современных поселка! А сколько времени потратили старушки-алаи, устраивая жилье в аморфитах стены и проделывая в ней пальцами и зубами старинные круглые окошки! И сколько удобряли и поливали огромный аморфит в середине двора, чтобы «сиденье вождей», посаженное еще прадедом Наваила, не засохло! Сейчас на «сиденье» уже усадили Элиала вместе с молодой женой. Они сели, снова обхватив друг друга крыльями и сплетясь хвостами с любовным объятии. Рядом с «сиденьем вождей», в небольшом загончике, сплетенном из сушеной кожуры аморфитов, ползал и жевал жвачку крупный кавин. Судя по горбатой спине, кавин уже вынашивал ребенка из яйца какой-то алаи, и Дан уже сообразил, какой именно, хотя Элиал ничего ему не рассказывал.

Над стеной и двором хлопали черные крылья алов, маленькие лиловые дети-алао летали среди взрослых, не собираясь спать в такой вечер. Недалеко от полукруглого выхода горел костер, на котором жарились то ли длинные, похожие на змей, морские рыбы, то ли придонные черви. Дан любил аловское жаркое в любых видах, поэтому не стал вдаваться в подробности. Рядом с костром работала выставленная во двор кухня-синтезатор, а вокруг сутились две молодые алаи, смешивая поджаренное на костре мясо кавина с синтезированными подливками. Крылатые многоножки размером в ладонь, слетевшиеся на запах еды, вились тучами вокруг синтезатора.

Крупный ал в форменной полицейской сетке из красно-синих шнуров, часто хлопая крыльями, перелетел через стену, держа в пальцах каждого крыла по два придонных червя. Огромные, чуть не по метру длиной, черви были торжественно возложены на крышку синтезатора, вода немедленно потекла на светящиеся индикаторы. «Куда ты их мокрых бросаешь, Гиал! Сейчас же убери!» – захлопали крыльями молодые хозяйки. «Скажите спасибо, что вообще этих гадов принес, хвост им в зубы! – выругался полицейский. – У меня сегодня дежурство!» Взмахнув огромными крыльями, он улетел, предоставив поварихам самим спасать высокотехнологичное оборудование от воды.

Среди сильных, резких биоволн алов Дан не сразу различил человеческую биоволну. Что такое? Почему человеческая волна слабее, чем у алов? Дан присмотрелся. У подножия «сиденья вождей», позади загончика с кавином, устроился прямо на земле человек со светлыми волосами. В руках у него был какой-то прибор, похожий на миражный синтезатор.

– Здравствуйте! Я – Арсен Оболенский, уроженец Земли, участник конкурса молодых этнографов и этнологов. – улыбаясь, проговорил человек, вставая и подходя к Дану и Аурике. Человек говорил на евроамериканском с мягким земным выговором, а встав, оказался невысокого роста, полноватым и неуклюжим – настоящим мешком.

– Организаторы конкурса этнографов пригласили победителей в лесную деревню, а господин Наваил разрешил побывать на свадьбе его внука и даже сделать запись с переводом, у меня в микрокомпе есть программы, – продолжал Арсен Оболенский. – Правда, из троих победителей прилетел я один, но это даже неплохо, я никому не буду мешать. Как говорят регдондские долонаны – одна рыбка моря не выпьет.

Ну вот, еще один этнограф! Но у этого хотя бы здравый смысл имеется. И вот почему биополе такое – он с Земли. Кстати, для землянина еще не самое слабое. Интересно, у него в предках биополевик был, или просто он сам такой упрямый?

Неожиданно шум во дворе стих, и рядом с молодыми на «сиденье вождей» появился дед Наваил. «Сегодня мой внук Элиал, чью свадьбу мы празднуем, вместе с нашим братом Уно

Ал Даниилом, подвигом прославили наше отечество, народ, деревню и семью. Восславим же их силу и храбрость, споем авалеило в честь героев!» – провозгласил старый поэт. Дан встал и подошел к Элиалу, который уже слетел на землю перед «сиденьем вождей» и стоял, опираясь на хвост, балансируя крыльями и красуясь перед невестой. Арсен бросился лихорадочно настраивать программу-переводчик, Аурика спрыгнула с уникрыла и застыла возле костра со сжатыми на груди руками и счастливым блеском в глазах. Молодец, дед Наваил! Скорее петь, чтобы Аурика прониклась настроением! Чтобы, как говорит мать, заморочить голову девушке, мыслепение хвалебных авалеило будет в самый раз.

«В небо взлети
Пусть без страха крылья рвутся в бой.
Ветер в пути

Выше всех тебя несет, герой». – начал Наваил. Мягкая биоволна старого поэта закончила первый куплет и затихла. Четверо молодых алов подхватили песню, за ними вступили остальные. Легкие прерывистые тона женщин-алаи и усевшихся на стену детей-алао присоединились к мощным распевам полицейского Гиала и молодых бойцов. Мысленные волны алов, складываясь, обретали силу внушения, и Дан на секунду почувствовал себя тем самым героем, которым величали его в песне алы. Ого, вот это сила у мыслепения! Даже на его триста пятьдесят бионтов действует! По науке это называется согласованное внушение. Дан сосредоточился, освобождаясь от внушения десятков аловских биополей, и осторожно, сдерживая свое мощное поле, как учил его дед Наваил в детстве, присоединился хору.

«Выше небес
Ты поднимешься к своей судьбе.
Слава и честь
Будут пусть наградой тебе».

Дан услышал, как повторяет песню своим слабым биополем землянин, потом присоединилась и Аурика. С непривычки она не попадала в такт, но старалась за двоих. В ее мыслях проплывали яркие картинки, главным действующим лицом которых был длинноносый рыжий пилот с разными бровями.

«Встань в полный рост,
Посмотри на небо и лети.
Прямо до звезд
Доведут тебя судьбы пути»

– пели алы. Ну, сейчас самое время объясняться, пока она уверена, что за ней ухаживает самый настоящий герой! «Посмотри мои мысли, Золотинка, видишь, какая ты? – выдерживая ритм песни, начал внушать Дан. – Ты самая красивая, Золотинка! Я тебя очень люблю, видишь, как? Слышишь?». Она увидела и услышала, и спокойно дала себя обнять, когда Дан сел рядом с ней. Ура! Все получается! Вот что значит хорошее мыслепение!

Свадебные гости летали вокруг кухни и костра, расхватывая угощение, некоторые уже изрядно налегли на бешеные орехи. «Спокойно, хвост вам в зубы! Спокойно! Тут вам свадьба, а не рынок!» – сигналил с высоты Гиал, облетая деревенскую площадь и многозначительно покачивая крыльями, которые у него были еще шире в размахе, чем у Элиала.

Элиал, ловко поддерживая крыльями молодую жену, спустил ее с «сиденья вождей». Вими тут же взлетела на плетеную загородку, ограждающую кавина с яйцом. «Маленький мой, маленький Элио», – услышал Дан ее тихий мысленный голос.

«Да, набрались новых мод от вас, Уно Алов», – в тот же момент услышал Дан сбоку. Дед Наваил слетел вниз и уселся на руле уникарыла, расправив одетые сетками крылья. Надо было поддержать разговор. «Какие моды?» Старый ал досадливо взмахнул крылом. «Да уж такие – сначала хвосты сплетать, яйцо в кавина класть, дитя заводить, а потом свадьбу играть! – проворчал он. – Муж да жена – один хвост на две головы, – вот как говорили в наше время. Хвост – один, а головы работают обе. А у этих только хвосты сплетаются, а в головах – ветер! Никакого уважения к обычаям!»

– Зато у вас уже есть правнук! – проговорил землянин, придвигаясь ближе со своим переводчиком. – На Земле говорят: ребенка родил – памятник себе поставил.

«Памятник собственной глупости! – мысленно проворчал старик, обхватывая хвостом руль. – А он уже из кавина вылетит скоро! До его Дня Крыльев осталась всего декада! А кто его мыслепению выучит, кто сказку расскажет? Опять, что ли, старый Наваил? Ведь эти, у которых ветер в голове, и хвостом не махнут! Элиал, слышишь, я о тебе говорю!» Дан засмеялся.

«А ты не смейся, сам хорош! – захопал крыльями Элиал. – Ты, дед, только послушай! Он в отставку собрался! После всего, что сегодня было – в отставку!» Ну вот, выдал Дана, как малолетний алао! Так и рвется обсуждать чужие личные дела при всех!

– Дан, а почему в отставку? И где ты теперь работать будешь?

Ну вот, а только что считала его героем! Да и любопытный землянин уже слушает, как будто это его касается!

«Отстань, Элиал, повзрослей хоть когда-нибудь! У тебя сегодня свадьба, какие могут быть еще разговоры? Лучше рассказал бы, как сам сегодня крутил «мельницу!» Дан даже слегка нажал на Элиала внушением, но дед Наваил уже все понял. «Прекрати внушать, Уно Ал! И объясни, зачем ты собираешься в отставку? Ты же всегда хотел летать!» – строго спросил старик, поворачивая все шесть глаз к Дану. Ну куда от этих расспросов не деться! Что за деревенская манера – болтать о семейных делах при посторонних! Скорее закончить эти глупые объяснения! «Я буду летать, только не в военном космофлоте, могу же я, наконец, пожить свободно! – быстро передал Дан. – Ты же сам говорил, дед, – чтобы узнать небо, надо взмахнуть крыльями! Вот я и хочу взмахнуть без ограничений!» Старый ал прикрыл в задумчивости все шесть глаз. «Крыльями, говоришь, и без ограничений? Ну попробуй, взмахни. Только помни, Уно Ал, что свобода махать крыльями всегда ограничивается длиной соседского хвоста! Эх, молодые, учить вас еще да учить! Устал я с вами!». Старик свернул восьмеркой свой собственный, побелевший от времени, хвост, взлетел на вершину «сиденья вождей» и вернулся в крылья, собираясь заснуть. Вот и отлично! Меньше будет нравочений!

«Длиной хвоста – это правильно! Мудрые тут местные жители, даром что с виду на земную рыбу-ската похожи», – мелькнула рядом мысль Арсена Оболенского. Этнограф просмотрел запись в мираже своего микрокомпа и убрал мираж. Деревенский двор затихал, гости разлетались по верхушкам аморфитов, некоторые ныряли в окна, устраиваясь на ночь. Выключились кухни, затихли хлопки крыльев, только Гиал еще описывал круги над двором, высматривая нарушителей порядка.

– Ну, я, пожалуй, тоже пойду спать. Никогда в жизни еще не спал в аморфите! – объявил Оболенский, направляясь к одному из аморфитов, замыкающих стену с восточной стороны. Насколько знал Дан, там было несколько пустых растений, выскобленных изнутри. В них было все, что нужно для цивилизованной жизни, включая водопровод.

– А как же мы? Мы тоже должны спать в аморфитах? Или как? – шепотом спросила Аурика.

– Или как, – прошептал ей на ухо Дан, и девушка засмеялась, быстро блеснув ровными зубами. Наконец-то все получилось так, как он задумал! Они отправились в аморфит, и не спали всю короткую стикскую ночь, не закрывая биоволновых фильтров и накрывая внушением всю деревню. Должно быть, согласованное любовное мышление у них тоже получилось, потому что к утру в рассветном небе летали на черных крыльях чуть ли не десять молодых пар, сплетя хвосты и не обращая внимания на старинные обычаи.

5

«И ты, рабья душонка, не понял еще, что тебя оскорбляют?» – Луч Две Тысячи Восьмой закружил вокруг себя крупные белые искры взволнованной речи. В красном огне Лаланда-Х они светились ярко, как на Астрионе. Что он без конца толкует об оскорблениях, когда на Лаланде-Х наконец-то строится настоящая научная база, принадлежащая Астриону? «Тебя унижают, на Невидимку сбрасывают, в низший заряд превращают! – продолжал он, раскидывая в красных волнах Лаланда-Х крупные сверкающие спирали. – Сначала высокородный специально делится в восходящем потоке, на стороне Астриона, обращенной к Невидимке, чтобы ты родился беспмятным и бесплодным. Потом он за это делает тебя рабом и учит тому, что еще не успел забыть сам, а потом лишает тебя прав на твои собственные изобретения! Будь она проклята, эта их Древняя Память! Нас даже не рожают, нас создают! И даже двуногие люди уже знают разницу – высокородных они называют астрионидами, а нас всего лишь астриониками!»

Вихрь Сто Первый задумчиво выбросил в ярко-желтые волны строящейся научной базы цепочку белых звезд. «Мы сами никого родить не можем, а значит, высокородные нам нужны хотя бы для этого».. Две Тысячи Восьмой вытянулся в прямую линию, свернулся в спираль и снова превратился в шар.

«Раб, трус! Они тебя запугали! – засверкали белые звезды его речи. – А ты знаешь, что дальние полеты в космос начались только после того, как появились первые создания, рожденные в восходящих потоках? Ты знаешь, что все изобретения Астриона принадлежат нам, хотя засвидетельствованы на них, на высокородных? Ты знаешь, что именно мы, талантливые и деятельные, становимся лучшими пилотами, учеными и изобретателями? Древняя Память лишила высокородных потребности учиться, они живут заслугами предков! Что ты молчишь, рабья душа?»

Вихрь Сто Первый не отвечал, ему не хотелось спорить. Красные вихри Лаланда-Х кружились рядом с золотистыми волнами базы, а выше смутно светилось что-то голубоватое – кто-то уже подпитывался в верхних слоях красной звезды. Сто Первый работал без подпитки уже две десятых периода, и больше всего ему хотелось хотел сейчас подняться и зависнуть таким же голубым клубком плазмы, вбирая в себя энергию, не воспринимая окружающего.

А Луч Две Тысячи Восьмой не отступал. «Наш народ талантлив, наш ум и изобретательность двигают вперед цивилизацию Астриона, а нам говорят, что мы недостойны свободы? И ты, инженер, изобретатель, не хочешь освободить Астрион от паразитов? Трус!» Вихрь Сто Первый мучительно сосредоточился, пытаясь отвлечься от мыслей о подпитке.

«Я не хочу быть рабом, – ответил он цепочкой мелких быстрых звезд, так говорить было легче. – но что ты предлагаешь? Хранители Древней Памяти действительно медленно думают и учатся, но живость ума не помогает нам самостоятельно размножаться. Высокородных и талантливых нельзя разделить, не погубив цивилизацию Астриона».

«Рабья душонка! С такими мыслями ты будешь белеть от страха перед каждым высокородным Хранителем! Ну и болтайся тут на базе всю жизнь! Служи своему Вихрю Света, который не сможет даже правильно применить твоё изобретение, но засвидетельствует его на себя!» – возмущенно сверкал Две Тысячи Восьмой.

«Сегодня я собирался с ним поговорить о свидетельстве на сдвоенное энергетическое ядро, – сказал Вихрь Сто Первый. – На мое имя. Такое хоть и редко, но бывало раньше!».

Две Тысячи Восьмой вспыхнул гневным голубым пламенем и запустил вокруг себя вихрь крупных звезд.

«На что ты надеешься, раб? Думаешь, ты что-то получишь? Пойми, трус, за свою свободу и достоинство надо бороться, а не дрожать всю жизнь, белея от страха! На Астрионе уже все талантливые поняли это!»

Сто Первый не успел ответить. Красные волны звезды Лаланда-Х закружились, побежали в разные стороны, и из сине-желтых волн вылетел огромный ярко-синий хранитель Древней Памяти – едва ли не вдвое больше каждого из собеседников.

«Почему двигатель не работает? – поинтересовался он, выпустив две цепочки аккуратных белых звезд рядом с Вихрем Сто Первым. – Где второе энергетическое ядро базы?» Сто Первый с трудом собрался, напрягая последние силы для достойного синего свечения. Зачем он так долго болтал с Лучом вместо того, чтобы слетать на подпитку перед ответственным разговором? «Высокородный Вихрь Света, работа закончена, а второго ядра не должно быть. Я соединил оба ядра в одной квазикерамической скорлупе, такая конструкция экономит энергию и освобождает место для других устройств базы», – доложил Сто Первый.

Высокородный хранитель Древней Памяти вытянулся в длинную синюю ленту и нырнул к темному квазикерамическому ядру. «Этого никто никогда не делал! Кто ты такой, чтобы изобретать? И как ты вообще этого добился?» – поплыли к Сто Первому огромные белые звезды. «Там перегородка с микронасадками из квазикерамики, а все остальное вы можете прочесть на скорлупе», – доложил Сто Первый четкой цепочкой мелких звездочек и аккуратных завихрений.

Желтое и синее свечения смешались вокруг темного ядра и разбросали белые звезды записей. Это заработали оба энергетических ядра, которые включил Вихрь Света. Сто Первый замер на месте. Вот оно, то, о чем он мечтал, вот чего хотел с тех пор, как попал на строительство базы на Лаланде-Х! Его собственное изобретение заработало, такое достаточно увидеть раз в жизни!

Вихрь Света собрался в шар напротив Вихря Сто Первого и выпустил четкий ряд белых звездочек. «Высокородный Вихрь Света, если ты одобряешь это изобретение, я прошу засвидетельствовать его от моего имени в Совете Древней Памяти!» Длинный язык ярко-синего боевого огня вспыхнул и заплясал рядом со Сто Первым, заставив его побелеть от ужаса.

«Свидетельство? А кто ты такой, чтобы о тебе знал Совет Древней Памяти? Беспамятное создание, имущество!» – сверкнул хоровод ослепительных белых звезд. Разбрасывая вокруг себя языки боевого пламени, Вихрь Света двинулся на Сто Первого. Эх, давно надо было на подпитку лететь, тогда и разговаривать было бы легче! Рядом сверкнул синевой Луч Две Тысячи Восьмой. Быстрые злые звездочки искрами разлетались от него, будто предупреждая окружающих об опасности, но на возмущенного раба не обращали внимания.

«Но ведь это мое изобретение!» – блеснул вежливыми мелкими звездочками Сто Первый, побелев от волнения. «Что у тебя может быть своего, беспамятный!» – Вихрь Света ловко вытянулся спиралью и скользнул в «летучую звезду», уводя за собой вереницу звездочек – записей изобретения, которое надо было засвидетельствовать.

«Врешь! Не получишь! Чего нет, того не отнимешь!» – вспыхнуло рядом, и синий боевой огонь возмущенного Луча Две Тысячи Восьмого ударил по записи, уничтожая ее. Мощные синие языки боевого огня ударили в голубое сияние Две Тысячи Восьмого,

«Бунтовать? Ну, это у тебя не пройдет!» Ослепительно вспыхнув синим пламенем, Вихрь Света собрал все силу в единый удар. Взрыв смешал голубое пламя с желтым, ослепил и отбросил Сто Первого в сторону. Спирали синего пламени завертелись вокруг сверкающего голубым огнем бунтовщика. Две Тысячи Восьмой задрожал, рванулся, вспыхнул белым слепящим огнем, рассыпая белые звезды крика, и исчез. Все было кончено.

Новый язык огня грозно изогнулся в сторону Сто Первого, и астрионик, не помня себя помчался вверх. Теперь ему было все равно – ограбленный, оскорбленный, оглушенный страхом и взрывом, он мог думать только о подпитке. Ловя восходящие потоки, Вихрь Сто Первый

поднимался туда, где мог найти укрытие и отдых. Красные вихри становились все прозрачнее, сквозь них начинала проглядывать чернота звездного космического неба. Вскоре вокруг него поплыли только разреженные, слегка кружащиеся, розовые ручейки огня, золотящиеся по краям, будто свет далеких звезд. Сто Первый вытянулся в плоскую ленту и завис среди их беспорядочного кружения, понемногу впитывая в себя энергию.

Обычно все астриониды и астрионики впадали в сон сразу, как только начинали подпитываться энергией, так подпитка шла быстрее, но сейчас Вихрь Сто Первый не мог позволить себе впасть в беспамятство. Повиснув в вихрях красноватого пламени Лаланда-Х, он думал о чем придется, стараясь не заснуть.

Что теперь будет? Начальник строящейся базы, высокородный Луч Мудрости наверняка проведет расследование, но никого не накажет. Ему, как обычно, все будет безразлично. Записи своего изобретения Вихрь Сто Первый помнит, поэтому Вихрь Света его не тронет, пока не будет восстановлена и засвидетельствована запись.

А потом жизнь Вихря Сто Первого будет зависеть только от строительства базы на Лаланде-Х и отношений Хранителей Древней Памяти с соседями из других миров. Астрион ни при каких условиях не может себе позволить потерять Лаланд-Х, звезду, которую искали несколько сот оборотов. Температура как в нисходящих потоках Астриона, но вместо опасной звезды-спутника Невидимки – спокойная желтая звезда, которую люди зовут звездой Лаланда. На орбите – только одна небольшая планета, а на ней, будто специально для техники Астриона, огромные залежи керасила, лучшего сырья для квазикерамики. Но, как говорится, свет всегда рядом с тьмой – как раз на планету заявили свои права люди с Каутильи. Они нашли ее в то же время, когда экспедиция Луча Мудрости нашла Лаланд-Х. Луч Мудрости, открыв Лаланд-Х, засвидетельствовал открытие в Галактическом Арбитраже и решил, что планетная система звезды тоже будет принадлежать первооткрывателю. Но люди Каутильи самостоятельно зарегистрировали свое открытие планеты с керасилом, дав ей имя Трайя.

А потом началось разбирательство в Галактическом Арбитраже. Арбитраж объявил, что владение Лаландом-Х вовсе не означает обладание его планетной системой, а потому Астрион будет владеть только Лаландом-Х, а люди Каутильи – Трайей. При этом ни одна из спорящих сторон не должна вводить на спорные планету или звезду войска или военные машины.

Теперь на Лаланде-Х нет ни оружия, ни войск, на Трайе тоже, но начальник научной базы Луч Мудрости распорядился поставить боевой огонь на всех двадцати «летучих звездах», приписанных к базе, а Каутилья прислала огромный военный корабль. А вот и он – движется чуть заметной черной звездой вокруг Лаланда-Х по орбите! Наверняка это тот самый, который называется «Уграсена», в переводе с языка Каутильи – «Великое Войско», он всегда рядом с Трайей!

Вихрь Сто Первый видел «Уграсену» вблизи впервые – громадный шар размером с крупную «летучую звезду» не спеша плыл по небу, закрывая звезды. Насколько знал Вихрь Сто Первый, на «Уграсене» стояли еще два десятка кораблей поменьше, которые люди называли катерами, а на тех – еще по несколько совсем мелких, именуемых перехватчиками. И все они были вооружены. Правда, у большей части человеческого оружия отказывала автоматика, если рядом с ними находились «летучие звезды» или просто жители Астриона, но у людей ведь есть оружие и без автоматики! Неуправляемые металлические снаряды, просто куски металла, люди возили с собой на каждом корабле, катере или перехватчике еще со времен первых встреч людей с жителями Астриона. Если снаряд попадет в квазикерамическую оболочку энергетического ядра, все пропало! Хорошо еще, что сейчас никаких военных недоразумений у Астриона с людьми нет.

Черно-звездный шар приблизился, входя в пространство Лаланда-Х. Но ведь это нарушение предписания Галактического Арбитража! Что хочет делать его командир? Он же идет

прямо к военным «летучим звездам»! А вот плывет к ним маленькая синяя звездочка – должно быть, Вихрь Света, усмирив непокорных, возвращается на орбиту своим ходом.

Но что это там такое? Стряхнув с себя оцепенение подпитки, Вихрь Сто Первый двинулся вперед. Синие волны огня закрутились мощным вихрем вокруг станции, и из ее глубины полетели «летучие звезды», беспорядочно стреляющие во все стороны гибкими языками боевого огня. Там, кажется, сражение! Неужели и на базе восстание? Но это же надо прекратить, они все погубят! Надо лететь туда скорее! Вихрь Сто Первый двинулся вперед, напрягая все силу. Как же до них далеко, они даже звезд его речи не увидят, да и разве можно остановить этот бой словами?

«Летучие звезды» вытягивались лентами и скручивались в спираль, стреляли, взрывались и разлетались на части, снова собирались и снова стреляли, разбрасывая языки боевого огня. Скорее, скорее, может быть, еще можно их всех остановить?

Шарообразный человеческий корабль под названием «Уграсена» завис совсем рядом, но не вмешивался, будто ожидая конца боя. Не хватало здесь еще и людей! И какая же нелепость – жители Астриона сражаются друг с другом на виду у настоящего противника! Но ничего, сейчас Вихрь Сто Первый доберется до них и поговорит хотя бы с кем-нибудь! Для начала надо добраться хотя бы до сторожевой «летучей звезды», вот она зависла на половине пути. Хорошо бы там не было никого из Хранителей Древней Памяти!

А это что такое? Откуда такой страх? Ну конечно, сражение, но это же скоро прекратится! Или это он испугался человеческого корабля? Но только что он рассматривал этот громадный металлический шар и не чувствовал ничего особенного. А человеческий корабль никогда не причинял вреда своим соседям!

Страх проникал в душу, захватывал все его существо до последней искры. Сто Первый увидел, что белеет от этого бессмысленного, отчаянного ужаса. Но этого же на должно быть! Обычно А-поле жителей Астриона наводит ужас на живых существ других миров, но наоборот еще никогда не бывало! Что же это такое?

Шар человеческого корабля начал удаляться, и страх ослаб. Из засветового пространства вынырнул перехватчик людей и так и остался возле одной из «летучих звезд», не пытаясь догнать свой корабль. Похоже, у людей тоже происходило что-то странное.

Сто Первый не успел обдумать все это, как одна из «летучих звезд», ровно летевшая по орбите, вдруг подпрыгнула, вздрогнула и загорелась нежно-голубым ровным пламенем. Это было не послание, не взрыв и определенно не боевой огонь. Пламя становилось ярче и светлее, оно колебалось, ширилось и росло. Что случилось? Вихрь Сто Первый видел в своей жизни и сражения, и взрывы, и аварии, но такое он видел впервые. В темной сердцевине станции, где должно было быть энергетическое ядро, родился сгусток непрозрачного светлого тумана, он начал расширяться, вытесняя синее свечение «звезды», вышел за ее пределы, и принялся расти во все стороны, расплываясь неровными комками. Туман разрастался, захватывая соседние «летучие звезды», но не редел, а становился все гуще и плотнее, будто поглощая их. «Летучая звезда» Луча Мудрости рванулась в сторону и ушла за колеблющийся огненный край Лаланда-Х. Может, его тоже что-то напугало?

Белые комки расплывались в стороны, закрывая человеческий перехватчик. Приглядевшись, Сто Первый понял, что это не бесформенные волны или вихри, а белые, мутные, увеличенные в сотни раз, копии талантливых созданий, водивших «летучие звезды» по приказу хранителей Древней Памяти. Он узнавал своих знакомых, с которыми еще недавно виделся и говорил. Скрученные витки их спиралей занимали теперь столько же места, сколько прежде вся группировка «звезд», а за ними виднелся огромный светящийся ком белого тумана. Туман слегка шевелился, как будто был живым, а из его глубины, тесня друг друга, вырастали и разбежались все новые огромные белые копии созданий. Старый пилот, расплывающийся сияющим

белым туманом, двое недавно созданных слуг... Всех можно узнать, но почему они выросли в десятки раз и вместо живого голубого огня мерцают туманной белизной? И они ли это?

«Что случилось, друзья? Это вы?» – выслал цепочку звездочек Вихрь Сто Первый. Белые подобия старых знакомых не отзывались. Туман не откликнулся, расплываясь в пространстве. «Летучие звезды» пропадали одна за другой в растущих белых тучах, которые все больше разрастались и все меньше становились похожи на тех, кого напоминали сначала. Что случилось? Сто Первый перебирал в памяти все, что знал о гибели на войне под ударами боевого огня, о свойствах Лаланда-Х и о способах ведения войны людьми, но не мог вспомнить ничего похожего.

Как могли мыслящие, разумные существа превратиться в бессмысленное и бесформенное белое вещество? Наверное, это как-то связано с человеческим кораблем и этим странным страхом! Но как это выяснить?

Среди клубов тумана мелькнул человеческий перехватчик. Что он там делает, в тумане?

«Летучая звезда» начальника базы снова появилась рядом с туманом, бросила в его глыбину подъемную ленту и вытащила перехватчик. Белый туман, облепивший подъемную ленту, пополз по ней к синему пламени «звезды», пытаясь слиться с ним.

Мелькнул язык боевого огня, отсекая кусок белого вещества, и «летучая звезда» исчезла в засветовом пространстве. Светящийся туман немного подождал, будто отдыхая после своего неожиданного появления на свет, а потом, выпуская из своей пухлой, рыхлой массы длинные мягкие языки, двинулся к Лаланду-Х.

Значит, прикасаться к этому туману нельзя! Это заразно! Сторожевая «летучая звезда» совсем рядом и на ней, кажется, тумана еще нет! Скорее в нее! Вихрь Сто Первый нырнул в густую синеву и огляделся. Почему на «звезде» никого нет? Тоже сражаются с кем-то? Но белого тумана вроде нет. Скорее отлететь от этого светящегося ужаса! «Звезда» отлично слушалась команд Сто Первого, но куда и зачем он теперь должен лететь?

Его хозяин, Вихрь Света, пропал еще до появления тумана. Луч Мудрости, кажется, уже улетел. Возвращаться на Астрион после сражения на базе, которое закончилось неизвестно чем, никак нельзя – Сто Первого встретят боевым огнем, не разбираясь, участвовал он в сражении или нет. И вообще, как можно улететь и все бросить? Новый двигатель, строящуюся базу, загадочный белый туман, свойства и повадки которого надо изучить... И люди после всего этого укрепятся возле Лаланда-Х, оттеснив жителей Астриона, если база будет брошена. Конечно, Сто Первый – всего лишь создание, раб, об этом ему твердят всю жизнь все, кому не лень, но у него тоже есть родина, и эта родина – Астрион. Решено, Сто Первый остается!

Сто Первый увел «летучую звезду» на дальнюю орбиту. «Летучие звезды», поглощенные белым туманом, плавали облаком по низкой орбите вокруг Лаланда-Х, а человеческих кораблей не видел даже локатор. «Звезда» начальника строящейся базы тоже исчезла, как будто Луч Мудрости включил экранирование. Куда он делся, Сто Первый не знал, да и не хотел знать. Вихрь Сто Первый хотел только одного – чтобы Луч Мудрости не возвращался и не мешал работать.

Луч Мудрости не собирался возвращаться. Необъяснимый, мучительный ужас ударивший в его сознание при появлении человеческого корабля, до сих пор не покидал его. Что это за чувство? Не людей же он испугался! И не странного белого тумана, в который превратились бунтующие создания! А теперь к дикому ужасу, достойному только беспамятного раба, присоединился обычный страх. Что теперь делать? Куда лететь? Возвращаться на Лаланд-Х теперь, когда подозрительный туман, родившийся из бунтующих созданий, плавает возле звезды и строящейся базы, было более чем неразумно. Конечно, его будут осуждать и ставить в пример деяния его смелых предков, но почему он должен брать на себя это сомнительное исследование? Нет, изучать опасные явления природы в одиночку высокородному хранителю Древней

Памяти невозможно, здесь необходимы беспамятные создания! А пока не пришла помощь, Лучу Мудрости делать на Лаланде-Х нечего.

Но почему бунтовщики превратились в туман? Ведь не произошло ничего заметного. Ни самый бунт, ни условия Лаланда-Х не могли стать причиной такого превращения, а тем более, неестественного ужаса. Громадный корабль людей, исчезнувший с места боя, мог стать такой причиной, но как? У людей никогда не было такой техники ни на больших кораблях, ни на мелких перехватчиках.

Кстати, о перехватчике! Луч Мудрости обязан жизнью его пилоту и обязан выплатить Долг Жизни. С другой стороны, он сам только что вынес своего спасителя из боя и может считать долг уплаченным. Но об этом никто не знает, кроме них двоих. Прекрасно! Обычно Долг Жизни выплачивается в течение десятой доли оборота Астриона вокруг Невидимки. А значит, на это время Луч Мудрости должен отложить все свои дела и может не возвращаться ни на Лаланд-Х, ни на Астрион. На любые вопросы он может отвечать, что все еще подчинен Долгу Жизни, и никто из высокородных не упрекнет его в уклонении от обязанностей. Долг Жизни выше любых служебных обязательств! Луч Мудрости включил звуковой синтезатор.

– Начальник строящейся научной базы Лаланд-Х высокородный Луч Мудрости передает человеку, находящемуся в перехватчике. Прошу тебя, высокородный друг, принять благодарность за твою помощь, подкрепленную Древней Памятью и честью сорока поколений свободных и наделенных мудростью граждан! – передал Луч Мудрости. Ответ немедленно материализовался в виде четких звезд и вихрей, подкрепленных четким мысленным сигналом. «Доставь меня на мой корабль сейчас же!» – потребовал предполагаемый спаситель. Но это же человек с сильным сигналом, биополевик! И судя по наглости, с которой он приказывает, уже пытается внушать, хотя для внушения астриониду сил у него явно не хватает.

– Я не только доставлю тебя туда, но и буду помогать тебе, высокородный друг, по старинному обычаю родов Древней Памяти. Теперь нас с тобой связывает Долг Жизни, и я – твой должник и слуга в течение десятой части оборота Астриона. Высказывай свои желания!

«А что такое десятая часть оборота?» – спросил сильный человеческий сигнал.

– Десять ваших стандартных дней, высокородный друг», – подсчитал Луч Мудрости. «Идет!» – согласился человек. По торопливости и невероятной самоуверенности Луч Мудрости решил, что человек этот очень молод и не получил еще того опыта, который придает и углеродным, и плазменным существам необходимую в жизни осторожность и способность к расчету. Называть это наглое существо высокородным другом даже ради достойной цели было противно, но Луч Мудрости преодолел отвращение.

– Мое имя – Луч Мудрости. Я принадлежу к славной семье Луч, издавна хранящей Древнюю Память. – передал Луч Мудрости. – Скажи, высокородный друг, как следует называть тебя.

Человек помолчал, подумал. Луч Мудрости с помощью переводчика ясно слышал его попытки прикинуть, насколько невыгодно будет открыть имя, но в конце концов двуногий юнец решился. «Зови меня Гедеран Рам. И вези на «Уграсену!»»

Луч Мудрости знал – странным именем «Уграсена» назывался шарообразный корабль, наблюдавший за боем с бунтовщиками. Корабль принадлежал Каутилье, но Долг Жизни не знал разницы в происхождении должников. «Летучая звезда» высчитала координаты и прибавила скорость. За ней взвился длинный хвост густого белого тумана, закрутился, вытянулся и скользнул в засветовой коридор.

6

Гед сидел в темной кабине перехватчика перед отключенным пультом и смотрел, как за лобовым стеклом мечутся синие и голубые волны огня. Он приказал астриониду молчать, и синий покорился, как обычная биомасса. Чувствовать свою власть над ним было так же приятно, как ощущать последние усилия побежденного врага, видеть его остановившийся взгляд и слышать хрип сдавленного горла. Вот она, сила биополя! Сегодня биополевик Гедеран Рам стал настоящим победителем – он инициировался!

Все два года своей жизни Гед мечтал об этой силе, и вот она у него в руках, в мозгу, во всем теле! Не зря он готовился к этому, не зря за два года жизни прошел все, на что обычному скоту из биомассы бывает нужно двадцать лет! Он попал в А-поле синих как раз в тот момент, когда сильные чувства дали толчок инициации его биополя, и победил! Он подчинил себе синего астрионида вместе с его «летучей звездой» и теперь возвращается целый и невредимый, на вполне работоспособном перехватчике. Лучевая пушка в порядке, даже одна металлическая болванка осталась в запасе. Правда, аккумуляторы почему-то разрядились, но техники на «Уграсене» разберутся. Вокару нечего будет сказать – победителей не судят. Еще немного, и Гед займет на «Уграсене» то место, которого он заслуживает. Командир Вокар только думает, что он командир, но он же обычный мешок, землянин! Теперь Гед в любой момент сможет внушить ему все, что захочет, и тогда власть на «Уграсене» будет в достойных руках.

Конечно, надо будет действовать тайно. Вокар давно уже следит за Гедом, чувствуя в нем настоящую силу, и делает все, чтобы не подпустить молодого соперника к власти. Не дает действовать свободно, посылает только на мелкие операции, скотов в подчинение дает мало. А каких тупиц Вокар дал ему для операции в этот раз! Не бойцы, а настоящая биомасса! Сначала начали обсуждать его приказы – видите ли, командир Вокар приказал брать регдондский грузовой транспорт с регдондитом, а не гражданский корабль! Пришлось показать им, какого командира они должны слушаться. Хорошо, что на нем был экзоскелет из этих новых, с именем обезьяньего божка – «Хануман»! Усиление у него отличное, и когда Гед забил одного из скотов на глазах у всех, биомасса сразу притихла. Но не поумнела.

Если бы Гед мог внушать уже тогда, на «гражданине»! Тогда он смог бы внушить своим, чтобы не тратили времени зря, а забивали пассажиров и пилотов сразу, чтобы брали кольца вместе с пальцами, а идентификаторы – вместе с руками. А то потратили чуть не полчаса на выдергивание идентификаторов из рук! А потом еще проглядели стикские борта, закогтившие «Арджуну», и хвосты пробили катер лучами насквозь. А биомасса только паниковала в пультовой. Один даже пытался остановить его в шлюзе – его, командира! Но в шлюзе не было воздуха, и на ножах справиться было легко – чего стоит резануть по экзоскелету длинным ударом, чтобы скот внутри него задохнулся прежде, чем ткань затянет хотя бы половину разреза!

А как хорошо начиналась операция, одно удовольствие! Сонная биомасса тарасила на него из анабиозных капсул бессмысленные гляделки, не понимая, что происходит. Сонные хвосты даже не пытались сопротивляться, они дрожали и оралы, глядя на дуло лучевика или лезвие ножа. Эти трусы были смешны и противны, они не заслуживали жизни и не стоили даже того воздуха, которым дышали! Он убивал их, а они даже не пытались ему внушать! Или кто-то пытался? Ведь когда Гед зарезал проснувшегося хвоста в военном комбинезоне, а потом его рыжую бабу, он почему-то не застрелил их щенка. Мелкий рыжий скот орал так, что его хотелось убить голыми руками, но Гед не выстрелил в него – наверняка Геду кто-то внушал!

Но теперь это не повторится. Теперь у него хватит силы подчинить себе любую биомассу, и больше он не упустит возможности получить новые борта. Рыжая и хвостатая биомасса со Стики не имеет права владеть такими перехватчиками. Хвосты строят их, но они не понимают,

как надо по-настоящему использовать эту силу. А настоящая сила должна принадлежать только по-настоящему свободному человеку.

– Высокородный Гедеран может лететь к своему кораблю, – сообщил невыразительный голос, который синтезировали синие для разговоров с биомассой. Гед посмотрел в лобовое окно своего борта. Море синего огня отхлынуло от стекла, сменившись черным космическим небом и тонкими языками голубого пламени. Впереди, прямо по курсу, виднелся огромный шар «Уграсены», усыпанный круглыми интродами и эжекторами двигателей, тупоносими башенками грависвязи и квадратными провалами гравидеструкторов. Из оружейных портов смотрели на Геда черные глазки лучевых пушек, прямо напротив него раздвигались ворота двух шлюзов, и тяжелые шары катеров выдвигались на стартовый уровень. Вот это настоящая сила! И скоро она будет в руках Гедерана Рама.

Неровный край «летучей звезды» заиграл язычками огня и исчез из виду – «звезда» отошла в сторону, но белые комья тумана повисли между ней и перехватчиком. Туман слегка светился, комья теснили друг друга, длинные белые языки тянулись к машине, наползая на лобовое стекло. Да это дерьмо сейчас закроет обзор! Чем его сбросить? Может, включить гравицит? Гед дал мысленную команду перехватчику, но пульт машины по-прежнему выглядел мертвой пластмассовой пластиной с сенсорами и темными окошками индикаторов. Синие отблески уходящей «летучей звезды» сливались с белым свечением тумана. Гед пробежал пальцами по сенсорам, пытаясь хотя бы от руки включить двигатель и освещение, но ничего не произошло. Почему пульт не включается, ведь «звезда» уже далеко?

«Эй, синий, отвали подальше! – мысленно передал Гед астриониду. – Дай включить пульт!»

«Летучая звезда» отошла еще дальше, но выпустила плоскую синюю ленту. Лента прижалась стеклу.

– Может ли теперь высокородный Гедеран включить двигатель? – донесся до Геда бесцветный синтезированный голос. Ни грависвязь, ни пульт не подавали признаков жизни, только по синей ленте бежали мелкие белые огоньки. Так что же, теперь он должен ждать милостей от синего? Гед ударил кулаком по пульту.

– Сказано тебе – отойди, так отходи без разговоров! – крикнул Гед. «Летучая звезда» не двинулась с места.

– На этом расстоянии А-поле не может повлиять на двигатель и автоматику твоего корабля, высокородный Гедеран. Я думаю, что это влияние белого тумана. Но выполняя Долг Жизни, я взял на себя миссию сообщить о происшедшем твоему командиру и сослуживцам. Сейчас они прилетят за тобой, – сообщил нудный голос. Прилетят? Ну что ж, пусть летят, Гед как раз попробует на них свою новую силу! Но синего тоже нельзя терять из виду. Если он решил служить настоящему человеку, пусть служит как надо!

– Отойди на расстояние четкого приема твоей связи и жди меня, пока не позову.

– А если я не услышу твоего сигнала? – поинтересовался синий.

– Тогда жди три часа! – ответил Гед, и лента синего пламени дрогнула, передавая сигнал. Конечно, для того, чтобы занять достойное место, сильному человеку не потребуется больше часа, но пусть синий подождет! Сильные приказывают, слабые подчиняются, это закон природы!

А если сопротивление... Нет, что за глупости! Об этом даже думать не надо перед операцией! Вокар сам учил Геда: будь уверен в своих силах, ты – сила, а вокруг – биомасса, поэтому ты победишь! Пусть теперь Вокар посмотрит, какая бывает настоящая сила прежде, чем получит луч в лоб! Только сила делает командира, а Гед сильнее любого на «Уграсене», в этом он не раз убеждался на тренировках. Равных ему нет, он биополевик, а значит, изначально сильнее, умнее и быстрее любого из мешков и хиляков. Через три часа биомасса любого происхождения будет драться за право услужить настоящему командиру.

«Летучая звезда» снялась с места и исчезла в засвете, оставляя за собой белый туманный хвост. Один из катеров «Уграсены» вылетел из шлюза и направился к Геду. Круглый бок боевого катера с цифрой 12 закрыл небо, захваты вцепились в стены перехватчика и потащили его вместе с Гедом и клоком белого тумана в шлюз катера. Совсем сошла с ума биомасса – в плен они его, что ли, берут?

Гед попытался включить двигатель перехватчика и дать хотя бы пару лучей из пушки, но пульт машины по-прежнему глядел на него мертвыми окошками индикаторов, а сенсоры только скрипели под пальцами перчатки. Похоже, тут отрезало не только движок, но и все аккумуляторы. Но ведь там должно было быть еще процентов пятнадцать! Гед попытался вызвать диаграмму заряда в мираж, но пульт по-прежнему молчал, как железная болванка.

Ну ладно, пусть они везут его на двенадцатом катере. Гед сел в кресле поудобнее. Все равно еще полчаса – и эти скоты будут ползать перед ним на брюхе. Надо только сообразить, что именно внушать Вокару, когда Гед войдет в пульттовую командира – то ли «Ты больше не командир», то ли «Руки вверх, сдавайся!». И что лучше – сразу бить его из лучевика или сначала внушить, чтобы во всеуслышание по корабельному радио объявил Геда своим преемником? Нет, пожалуй, лучше начать прямо с лучевика – сила всегда производит впечатление на биомассу, а добровольная передача власти – чушь. Никто не поверит, в добровольный отказ от власти над базовым кораблем! Напружинившись и приготовившись к схватке, Гед вышел в шлюз.

– Внимание! Третий шлюз! Катер номер 12, немедленно выйти из третьего шлюза! Повторяю, немедленно выйти из шлюза! Пилоту катера снять экзоскелет и явиться во вторую пульттовую! – раздался голос из громкоговорителя. Говорили на евроамериканском, как всегда в смешанном экипаже «Уграсены». Гед узнал голос самого Вокара. Похоже, перетрусил господин командир, а сейчас перетрусит еще больше! Не снимая экзоскелета, Гед дождался, пока выровняется давление и вышел в коридор. Два идиота в «Хануманах» с затемненными, как у всех на «Уграсене», пузырями-шлемами, уже ждали его. Гед мог убить любого из них одним ударом, но начинать схватку в коридоре не имело смысла – биомасса брала количеством, когда не могла победить умением. А он должен был в первую очередь победить Вокара.

Не обращая внимания на идиотов, Гед прошагал по коридору до главной пульттовой и мысленным приказом открыл дверь. Но вся решимость вдруг оставила его. «Вот твой командир, которому ты обязан всем, а главное – жизнью. Ты должен доложить командиру об операции, а затем выслушать его решение», – приказал ему мысленный голос. Откуда взялся этот голос в сознании? Почему кто-то внушает ему, когда он обрел, наконец, силу внушения? Рука Геда рванулась к лучевику, но скоты в «Хануманах» схватили его за обе руки, и, ловко обыскав, вытащили три ножа и оба лучевика из карманов пояса и экзоскелета. Как они смогли его схватить? Проклятое внушение!

– А теперь – смирно! – загремел на всю пульттовую знакомый голос Вокара. – И слушай о том, как ты провалил операцию, быдло двуногое!

Забыв обо всем, Гед привычно вытянулся перед командиром. Оба скота стояли наготове, повернув к нему черные пленки шлемов. Над пультом плавал большой фиолетовый мираж. Серж Вокар сидел перед пультом, надев на голову изолирующий биоволновой шлем и положив руки на сенсоры. С бледной мрачной морды презрительно смотрели прозрачные глаза, рот зло сжался в узкую полоску. Как эта биомасса в командирском кресле смеет приказывать?

– Не отвлекайся, я тебе сказал, смотри и слушай! – снова рявкнул Вокар, и Гед послушно повернулся к миражу, где красовался какой-то скот из стикской Грависети. Ярость мешала Геду слушать. Что это все значит? Он – биополевик, никто из биомассы не может ему внушать, так значит, на «Уграсене» есть станция внушения, и такая сильная, что может внушать даже биополевику? Но без вживленного в мозг приемного устройства такая станция ничего внушить

не может. Значит, ко всему прочему, у него в мозгу сидит электронный «жук»? Какое унижение! Он же свободный человек!

– Мы уже рассказывали о блестящей операции, проведенной военным космофлотом Стики в последний день проведения космосалона «Икар». Наши десантники еще раз подтвердили звание лучших в Галактике войск специального назначения. Приняв сигнал бедствия, они в течение двадцати минут обезвредили экипаж рейдерского катера, совершившего нападение на пассажирский рейсовый корабль «Индра». – бубнил из миража хриплый голос хвоста-ведущего. – В результате нападения погибло тридцать пять пассажиров, среди которых были женщины и дети. Списки погибших будут переданы в конце нашего сообщения. Десантные подразделения военного космического флота Стики проявили смелость и находчивость, и при поддержке пилотов известной пилотажной группы «Черные крылья», освободили оставшихся сто десять пассажиров, а также задержали более двадцати членов рейдерского экипажа.

В мираже появилась новая картинка – лиловые стикские аморфиты, зеленое поле космодрома и наголо обритые, с синими заплатками на висках, прикрывающими вживленные «жуки», скованные наручниками скоты в серой форме «Уграсены». Биомасса проклятая! В тюрьме только им и место! Или по лучу в каждый тупой лоб.

– Военный катер, совершивший нападение, не имел опознавательных маяков, однако все эти люди одеты в форму Сборного Космического Отряда «Уграсена», базирующегося на корабле того же названия и принадлежащем Федерации Каутилья. – продолжал хриплый голос хвоста. – Сборный Космический Отряд «Уграсена», что в переводе на евроамериканский означает «Великое войско», является наемной частью армии Каутилья, к службе в которой допускаются не только граждане Федерации Каутилья, но и подданные других планет. Члены этого отряда уже не раз бывали замечены в нападениях на гражданские корабли и объекты. Однако в данном случае, как и во всех предыдущих, правительство Каутилья, и в частности, президент Чандрагупта Хан, отрицают причастность «Уграсены» к нападению. Главным их аргументом является то, что пассажирский корабль «Индра» шел с опознавательными маяками гражданского космического флота Каутилья.

– Что это такое? – Вокар остановил мираж, и арестованные скоты застыли посреди посадочного поля на Стике. Гед молчал, пытаясь вспомнить ощущение внушения – как это было с синим? Почему сейчас не выходит?

– Я тебя спрашиваю, что это такое? Почему на всех наша форма? Почему полетели на операцию не в гражданском? Ты каким местом думал, быдло двуногое, когда людей в нашей форме на «гражданина» потащил? Отвечай!

Внушение не получалось, Гед не имел власти не только над Вокаром, но и над собой. Но ведь не биомасса же он на самом деле, не быдло же двуногое! Он сильный, он победит!

– Свидетелей не должно было остаться, господин командир! Вы сами говорили, чтобы свидетелей не было! – пробормотал Гед, удивляясь, как легко у него вырвалось позорное «господин командир».

– Да, не должно было! Да, говорил! – загрохотал Вокар так, что мираж замигал и закрутился черно-синими помехами. – Но я тебя на какое задание отправлял? Остановить регдондский транспорт с регдондитовым концентратом, взять весь экипаж в заложники, а потом потребовать выкуп и за людей, и за груз! Там всего пять человек экипажа, а этого концентрата ждут так, что отвалили бы любые деньги! А ты куда пошел? На «гражданина» с полутора сотнями голов двуногого быдла! И начал обдирать с них идентификаторы, как уличная шпана с прохожих! Слушай дальше!

Он снова запустил запись новостей.

– Однако нескольким рейдерам удалось уйти от правосудия, – снова вылез в мираж хвост-ведущий. – Сейчас мы покажем вам миражное изображение одного из них. По рассказам свидетелей, именно он командовал нападающими.

По миражу поплыла объемная картинка, в точности воспроизводящая лицо Геда. Кто мог запомнить его так точно? Он же не открывал темного пузыря! Гед с отвращением смотрел на мираж, пытаясь найти хоть какие-нибудь несовпадения, но все было на месте.

– Этот человек очень опасен, поэтому предупреждаем: ни при каких обстоятельствах не вступайте с ним в контакт и немедленно сообщайте о его появлении полицию, государственную Службу Безопасности или в Спасательную службу космофлота. Контактные частоты связи сейчас будут показаны... – закончил ведущий.

– Безобразие! Ты провалил первую же самостоятельную операцию! – гаркнул Вокар, останавливая мираж. – Почему хвосты взяли твоих людей?

– Потому что это не люди, а скоты, – буркнул Гед. Ему было противно отчитываться перед биомассой, случайно получившей над ним власть. Но это ненадолго!

– Ах, они скоты, а ты нет? Тогда почему ты допустил, чтобы они в тюрьме давали показания? И в какой тюрьме – на Стике! Там из них вытряхнут внушением все, что захотят!

– Не из всех, у меня там два хвоста были!

Вокар поморщился.

– Что такое два хвоста? Они такие слабые, что не годятся даже для... А это что такое? – прервал он сам себя. – Ты почему синего цвета?

Вокар повернулся к пульту и забегал пальцами по сенсорам, не снимая биоволнового шлема. Неужели он догадался, что сила Геда уже проявилась? Может, он что-то заподозрил потому, что Гед прилетел на «летучей звезде»? Но синие и раньше крутились вокруг Трайи, будто пытались пробраться на чужую территорию, это дело обычное. Ну ничего, пусть только Вокар снимет шлем, и он тут же под диктовку Геда отошлет скотов в «Хануманах», а потом получит луч в лоб.

– Чаттерджи, немедленно сюда! – крикнул Вокар в микрофон пульта. Через минуту, угодливо согнувшись, будто все это время ждал приказа под дверью, появился давно знакомый урод. Гед ненавидел его столько, сколько помнил себя. Этот идиот, едва переставляющий длинные ноги и постоянно потирающий тощие руки, полностью подходил под название «хилияк». Гед не мог спокойно видеть эти лопатки горбом, эту унылую морду и вытянутую шею, за которую так и хотелось ухватиться, пока не хрустнет под пальцами. Впрочем, на такую слизь хватил бы обычного рывка за волосы и захвата со сдвигом.

Чаттерджи боком влез в дверь и оторопело замер, бессмысленно жуя губами, а потом протянул к Геду костлявую слабую руку, будто хотел прикоснуться. Гед непроизвольно напрягся для удара, но сдержал себя – нападать на урода Вокар ему запрещал даже в детстве.

– Извините, господин командир, но почему он синего цвета? Это что – астрионид что-то сделал, пока вез его к нам? – невнятно, будто жуя кашу, пробормотал Чаттерджи.

– Вот это ты сейчас и выяснишь! – мрачно сообщил Вокар. – Ты здесь ученый, ты и разбирайся, почему парень посинел!

Чаттерджи засуетился у двери.

– Тогда позвольте отвести его в медпункт, там хороший медицинский робот, проверим кровь, а потом все остальное.

Идиоты в «Хануманах» вынули лучевики и, упираясь ими в спину Геда, вытолкали его в коридор. В дверях медпункта они остановились и, крепко держа под локти, начали сдирать с него экзоскелет. Гед рванулся, вывернулся из их рук и с размаху ударил ногой в промежность ближайшего. Тот отлетел в сторону, запутавшись в каких-то шлангах и выронив лучевик. Два удара ногой по коленям отбросили второго урода на полки с регенератором, но тот устоял на ногах – помог экзоскелет. Гед бросился к пистолету и схватил его – недаром у него лучшая на всей «Уграсене» реакция! Сейчас они получают все, чего заслужили!

– Стой! Бросай оружие! – загремел с порога голос Вокара. Гед обернулся, разворачиваясь в прыжке и набирая скорость для удара, но два новых скота уже вбежали в медпункт и наста-

вили на него свои лучевики. Первые двое, выбравшись из путаницы шлангов и мешков с синей жидкостью, надели на него наручники. Общими усилиями Геда раздели догола и уложили на морфоместо, сейчас же обхватившее его мягкими складками. Но сколько бы складок белого пластика ни собиралось вокруг его тела, Гед видел в просветах между ними самое страшное – он действительно был синим. Точнее, кожа оставалась такой же коричнево-смуглой, как всегда, но всю ее пронизывал ярко-синий свет, как будто внутри Геда скрывался небольшой астрионид.

Чаттерджи надел на голову Геда биоволновой шлем и боком сел за пульт медицинского робота. В мираже над пультом показались кристаллы, будто состоящие из двух кубиков. Один из них был сероватый, матовый, с легким голубоватым оттенком, второй утопленный в его поверхность одним углом, светился, как боевой огонь «летучей звезды».

– Смотрите, господин командир, это нанокompенсаторы, – прожевал короткую фразу Чаттерджи. – Они на нем с самого рождения, но никогда еще не светились.

– Так это что, хвосты нам подсунули эту дрянь? – недовольно проворчал Вокар. – А ты снять не мог, когда мы его получили?

– Извините, господин командир, но как можно было их снять, когда вы хотели вырастить двадцатилетнего бойца из новорожденного младенца за два года? Выростки могут расти только с нанокompенсаторами, без них организм не выдержит сверхбыстрого физического роста и огромных нагрузок на мозг ... – прошамкал Чаттерджи.

– Но он же биополевик, он сильнее обычного человека! – загремел Вокар. Чаттерджи скорчился, будто хотел упасть и уползти в угол.

– Извините, но обычный младенец при таких темпах роста умер бы через два месяца, а Гедеран выжил, – Чаттерджи тер руки одну об другую, как будто хотел стереть с них грязь. – Вам нужен был выигрыш во времени, никто не стал бы искать выростка двадцати биологических лет среди тех, кому всего два стандартных земных или каутильских года. Я, извините, подумал, что для вас это особенно важно, учитывая обстоятельства его получения во время одной из ваших... операций. Вы ведь получили Гедерана не совсем законно...

– Молчать! Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты следил за своими словами, быдло двуногое!

Подумаешь! Гед и без них знал, что его отбили у хвостов с какого-то транспорта, который вез на Каутилью младенцев, заказанных в стикском Центре Человека. Всех отбитых младенцев продали – нелегально, конечно, а его, биополевика, вырастил урод Чаттерджи под руководством Вокара прямо на «Уграсене». Гед был создан для того, чтобы быть самым сильным, чтобы сражаться и побеждать, и это он делал всю жизнь по чужому приказу. Но теперь он достаточно силен, чтобы самому решать свою судьбу!

– Так почему нанокompенсаторы светятся? Может, там какие-то передатчики или ретрансляторы? Может быть, это шпионаж? Кто-то хотел на него влиять? – проговорил Вокар. Геда затрясло от гнева. Что? Этот идиот допустил, чтобы его, свободного человека, использовали как шпиона? Его, Гедерана Рама, сделали передающей станцией? Вот почему Гед начал сомневаться в разгар операции, вот почему он не убил мальчишку!

– Так может, и операцию парень завалил из-за них? – продолжал рассуждать Вокар. – Тогда их надо просто снять. Он уже вырос и не учится, так пусть живет без этой ерунды! Но ты-то куда смотрел? Ты за выростка отвечал, а проглядел шпионаж у себя под носом!

– Но может быть, Гедеран просто переоценил свои силы в этой операции и дело не во внушении? Ведь ему два стандартных года! Если бы он жил на Каутилье, он еще несколько лет считался бы недееспособным, и даже в армию его бы не взяли!

– Молчать! Будет меня еще поучать всякий! Я тридцать лет бойцов готовлю! – мрачно рыкнул Вокар. – А ты не мог отличить шпионское оборудование от нанокompенсатора! Ты что, нормального нанокompенсатора не видел никогда?

Чаттерджи дрожащими пальцами начал набирать какую-то команду на сенсоре пульта, глаза трусливо забегали.

– Извините, господин командир, – залезил он, тыкая пальцем в глубину поднявшегося над пультом миража. – Но я никакого нанокompенсатора не видел, пока вы не поручили мне Гедерана. Но даже если бы видел, я не стал бы ничего менять.

– Это почему? – Вокар даже сжал кулак, будто собрался, наконец, наградить Чаттерджи по заслугам.

– Извините, господин командир, но Гедеран – единственный в своем роде выросток-био-полевик. На Каутилье растут выростков, но нет опыта работы с биополевиками, а на Стике нет практики воспитания выростков. Я не смог найти в Грависети никаких руководств или статей на эту тему. И вообще я думаю, что беспокоиться не о чем. На «Уграсене» надежное военное экранирование, никакое внушение не могло прийти сюда извне. А значит, Гедеран получал воспитание и обучение только через вот этот внушатель, который я ему поставил в самом начале.

Он несколько раз сменил изображение в мираже, читая какие-то цифры.

– Но теперь внушатель можно снимать, сейчас у Гедерана биополе достигло ста сорока бионтов, при такой силе биополя внушать через обычные приборы бесполезно.

– Ну так и снимай! Все снимай, и эти, что светятся, и свой внушатель! Эти светящиеся посмотришь, потом доложишь, что там было, – приказал Вокар. – Давай, включай что-нибудь, чем там эти компенсаторы из крови вытягивают!

Чаттерджи приказал медицинскому роботу присоединить к венам на руках Геда тонкие синие шланги и набрал несколько команд на пульте. Робот зажужжал, шланги затрепетали, в мираже появилась картинка, изображающая кровеносные сосуды с плывущими в потоке крови сдвоенными кубиками. Вокар сел в кресло, а Чаттерджи повернулся к нему, оставив робота работать самостоятельно. Гед не смотрел ни в мираж, ни на вздрагивающие синие шланги. Смотреть, как движется по ним то, что только что плавало в его собственной крови, было противно. Зато ему было неплохо слышно, о чем говорят Чаттерджи с Вокаром. Как ни странно, тощий хилак первым обратился к командиру, а тот не осадил его, как полагалось бы. Почему он позволяет биомассе так с собой обращаться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.